

Российская Академия Наук

НКС ООН РАН

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

- I. ПРОБЛЕМА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ**
- II. ПРИЧИНЫ ЦЕННОСТНЫХ
ПРОТИВОСТОЯНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Материалы заседания
17 февраля 2024 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Момджян Карен Хачикович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной философии
и философии истории философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Левицкий Виктор Сергеевич

доктор философских наук, профессор
кафедры социальной философии и философии
истории философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДнП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

**Проблема общечеловеческих
ценностей.
Причины ценностных противостояний
в современном мире**

Материалы заседания 17 февраля 2024 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Госуняна

Москва
2024

УДК [17.022.1:316.752](063)
ББК 60.028я431+60.523я431
П78

Проблема общечеловеческих ценностей. Причины ценностных противостояний в современном мире : материалы заседания 17 февраля 2024 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с. – ISBN 978-5-6050844-5-7

В сборнике представлены различные подходы к пониманию ценностей.

С обывательской точки зрения ценностью можно назвать все, что представляет интерес для человека, все, что приносит пользу.

А с точки зрения ученых?

Читатель найдет в сборнике анализ подходов к ценностным ориентациям личности в российской и зарубежной психологии.

Также в материалах обсуждения даются ответы на многие вопросы, касающиеся проблем общечеловеческих ценностей.

Что можно назвать ценностью, а что нет?

О каких категориях идет речь прежде всего?

Насколько ценности универсальны и общезначимы?

И почему в современном мире наблюдаются ценностные противостояния?

УДК [17.022.1:316.752](063)
ББК 60.028я431+60.523я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6050844-5-7

© Тосунян Г.А., составление, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально- экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	5
Справка	11
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	15
Доклад 1 д. филос. н., проф. МОМДЖЯН К.Х.	23
ПРОБЛЕМА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ	
чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	47
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	49
акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	52
проф. РАН ОГАНОВ А.Р. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	60
проф. КАЛАШНИКОВ С.В. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	62
акад. МАЕВСКИЙ В.И. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	63
БУЗИН А.Ю. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	65
СМОЛИН В.С. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	67
чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	69
д. э. н. МОКИЙ М.С. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	71
чл.-корр. ВАСИЛЬЕВ В.В. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	74
Доклад 2 д. филос. н. ЛЕВИЦКИЙ В.С.	79
ПРИЧИНЫ ЦЕННОСТНЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ	
чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т.	96

акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.	100
проф., д. э. н. КАЛАШНИКОВ С.В.	103
к. т. н. САТАРОВ Г.А.	105
чл.-корр. ВАСИЛЬЕВ В.В. – д. филос. ЛЕВИЦКИЙ В.С.	109
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А	110
чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	114
акад. МАЕВСКИЙ В.И.	116
САВАТЮГИН А.Л.	118
СМОЛИН В.С.	122
д. э. н. МОКИЙ М.С.	126
к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.	129
к. ю. н. МАРКАРЬЯН Р.В. – д. филос. н. ЛЕВИЦКИЙ В.С.	133
проф. РАН ОГАНОВ А.Р. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	136
д. филос. н., проф. МОМДЖЯН К.Х.	139
д. филос. н. ЛЕВИЦКИЙ В.С.	142
проф. МОМДЖЯН К.Х. – проф. РАН ОГАНОВ А.Р.	145
акад. ГУСЕЙНОВ А.А.	147
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	153
Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН и НИИ ДДиП	158

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руко-
водитель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра
перспективных исследований национа-
льной безопасности России Экс-
пертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассо-
циации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального иссле-
довательского института Доверия,
Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Инсти-
тута системного программирования
им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

**АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ**

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

**АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

**БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ**

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

**БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ**

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

**ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ**

академик, д. филос. н., директор Института социологии ФНИСЦ РАН

**ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА**

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

**ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ**

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

**ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ**

к. э. н., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, зав. лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии наук Армении (НАН РА), иностранный член РАН, д. социол. н., научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., директор Института государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

**ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ**

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

**ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА**

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

**ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ**

д. филос. н., профессор

**ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ**

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
- о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ» и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 105 «Рабочих завтраков у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом.

Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 80 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 80 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялось 80 дискуссий.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ГОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Доброе утро!

Приветствую всех на совместном заседании Научно-консультативного совета Отделения общественных наук и Института Доверия, Достоинства и Права, которое проходит на площадке Ассоциации российских банков.

По традиции мы проводим заседание в формате «Рабочего завтрака».

На заседание записалось более 100 человек.

Из них 70 представителей науки, в том числе 15 членов РАН.

Кроме ученых и преподавателей в работе принимают участие банкиры, государственные и общественные деятели.

Сегодня мы рассмотрим два вопроса.

Первый вопрос: «Проблема общечеловеческих ценностей».

Докладчик – Момджян Карен Хачикович.

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ.

Второй вопрос: «Причина ценностных противостояний в современном мире».

Докладчик – Левицкий Виктор Сергеевич.

Доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ.

Вся наша жизнь построена на философии.

Это не значит, что мы постоянно устраиваем глубокие философские дискуссии.

Но кто из нас не задумывался о смысле бытия, поиске истины, о своем месте в этом мире...

Наш разговор сегодня – о ценностях.

Это важная философская категория и повод для мировоззренческой дискуссии.

Ценности – это наши ориентиры и задачи.

Они определяют многие основополагающие факторы нашего бытия.

Они лежат в основе мотивации.

Они лежат в основе наших поступков.

Мы часто задаемся вопросами, какова ценность того или иного явления или предмета.

Для нас, для сообщества, для всего человечества.

В чем выражаются универсальные общечеловеческие ценности?

Принято исходить из того, что поступки людей определяются не только и не столько антропологией, эмпирико-аналитическими механизмами, биологическими рефлексорами или хаотическими сиюминутными позовами.

Есть вполне определенные ценности.

Они лежат в основании нашей деятельности.

Они и придают этой деятельности осознанность и смысл.

Природа ценностей крайне интересна.

Что можно назвать ценностью, а что нет?

О каких категориях идет речь прежде всего?

Насколько ценности универсальны и общезначимы?

С обывательской точки зрения ценностью можно назвать все, что представляет интерес для человека.

Все, что приносит пользу.

Такая трактовка близка к понятию потребительской, экономической, материальной ценности.

То есть имеет прежде всего утилитарное значение.

Можно провести параллель с пирамидой человеческих потребностей Маслоу.

Это самая известная теория мотивации.

Иерархия ценностей там:

- безопасность,
- здоровье,
- общение,
- социализация.

Изначально идея Маслоу была изложена в работе под названием «Теория человеческой мотивации».

То есть тематика ценностей и мотивации крайне близка.

Вопрос об универсальных ценностях, которые безоговорочно разделяются всеми людьми на Земле, тоже дискуссионный.

Есть ли они, и какие?

Или это некая абстракция?

Но она очень важна не только с точки зрения науки.

Я рассматриваю человечество как единый социальный организм, который должен бороться и борется за выживание на планете.

Для этого должен быть достигнут баланс интересов и сил, которые обеспечат гармоничное развитие всего человечества без войн и серьезных катаклизмов.

В любом организме существует огромное множество противоречий.

Но живой организм, доведенный Богом до совершенства, на основе саморегуляции снимает возникающие внутри организма конфликты, регулируя и температуру организма, и питательный баланс, и баланс в микрофлоре, очищаясь от вредных и ненужных элементов и продуктов жизнедеятельности и делает многое другое.

Так и в социальном организме, именуемом человечеством, есть множество отличий и противоречий.

Люди, конечно, различаются и по расовым, и по национальным, и по религиозным, и по культурным характеристикам.

Более того, различаются по гендерным признакам, по внешнему виду, цвету волос, цвету глаз, весу, росту.

Но, живя на Земле, люди на Востоке и Западе, на Севере и Юге имеют одинаковое физиологическое строение.

Их объединяет много схожих проблем в сфере взаимных коммуникаций и в вопросах социализации в обществе.

Имеется множество общих проблем выживания в окружающей природе и в космосе.

Многие очень авторитетные ученые являются моими оппонентами в этом вопросе, не соглашаются с таким подходом и приводят довольно веские аргументы против.

И всё же.

Если это все-таки единый организм...

Тогда есть ли у него универсальные ценности?

Ведь иначе этот организм не смог бы функционировать как единый на планете.

Он довольно быстро должен был бы погибнуть, а не развиваться такими темпами, совершенствуя и поднимая на высочайший уровень межличностные коммуникации, межгосударственные и международные отношения.

У этого организма возникла единая «кровеносная» финансовая система, включающая межбанковские отношения и системы международных расчетов и платежей.

У этого организма возникла единая информационная база в виде Интернета и множества социальных сетей, благодаря которым люди в любой точке планеты могут коммуницировать друг с другом и знать, где что происходит.

Проблемы этого социального организма, которые проявляются в форме вспыхивающих войн и международных конфликтов, – это «болезнь роста», которая должна выработать иммунитет у организма, если человечество не хочет погибнуть.

В этом контексте очень важно найти объединяющие людей и народы общечеловеческие ценности и искать противоядия от национальной, расовой, культурной и религиозной нетерпимости.

К общечеловеческим ценностям вполне оправданно отнести:

- жизнь, ее сохранение в природных и культурных формах,
- свободу личности,
- доверие,
- справедливость,
- честность и некоторые другие категории.

Ценности должны объединять людей, будучи в полном смысле слова базовыми.

Однако они нередко становятся источниками противоречий.

И даже приводят к конфликтам.

Это тоже надо учитывать.

Примеров можно привести много.

Позволю себе некую параллель из финансовой сферы.

Для коммерческих банков, для их акционеров цель – это прибыль.

Для клиента в его отношениях с банком – это доверие, качество обслуживания и его цена, а также доступность финансовых услуг.

То есть у разных участников одного рынка разные критерии оценки партнера.

Но здесь есть и другие показатели ценности.

То же, что для человека честь, для коммерческой организации – деловая репутация.

В бизнесе эта ценность играет большую роль.

В том случае, если этот бизнес нацелен на ответственную и долгосрочную деятельность.

Существует также такое понятие, как этика бизнеса.

Понятие это активно формировалось в науке в 70-е годы XX века.

Между научным сообществом и деловым миром сложилось взаимопонимание о необходимости повышения ответственности бизнеса и корпорации перед обществом.

Примечательно, что тема ценности представляет интерес не только для философов, психологов, социологов.

Тема ценности представляет интерес и для государства.

В 2022 году утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В преамбуле говорится, что это, ни много ни мало, «...документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации».

Можно, конечно, считать это реакцией на экспансию западных ценностей.

Наш путь иногда очень извилистый.

От подражания западным идеалам – до изоляции и отрицания всего западного.

Всего, что хоть как-то напоминает об иностранном и чужеродном.

Поэтому здесь особая проблема.

Проблема, требующая серьезного изучения и анализа.

Важно понять, чем мы живем и по какой траектории движемся.

В документе, который я упомянул, речь идет о 17 ценностях.

Официально именно они считаются традиционными.

Выдержка из документа:

«К традиционным ценностям относятся:

- **жизнь, достоинство, права и свободы человека,**
- **патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу,**

- **высокие нравственные идеалы,**
- **крепкая семья,**
- **созидательный труд,**
- **приоритет духовного над материальным,**
- **гуманизм, милосердие, справедливость,**
- **коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение,**
- **историческая память и преемственность поколений,**
- **единство народов России».**

Уверен, многие из нас, если не все, готовы подписаться под каждой из перечисленных ценностей.

Но одно дело – формальные документы.

Другое – реальная практика взаимоотношений между людьми.

Практика взаимоотношений между бизнесом и властью.

Практика взаимоотношений между наукой и обществом.

Таким образом, тема сегодня очень интересная, глубокая и многогранная.

В первом докладе мы рассмотрим проблему общечеловеческих ценностей.

Во втором – поговорим о ценностных противостояниях в современном мире.

Перейдем к первому докладчику.

Прошу Вас, Карен Хачикович.

ДОКЛАД 1

МОМДЖЯН К.Х.

д. филос. н., проф., заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ПРОБЛЕМА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Уважаемые коллеги!

Проблема ценностей всегда интересовала философов.

Более того, некоторые из них (к примеру, неокантианцы Баденской школы) считали эту проблему предметом образующей для философии, то есть трактовали философию как науку о ценностях.

Я с этим не согласен, но этот вопрос не имеет прямого отношения к обсуждаемой нами теме.

В настоящий момент интерес к проблеме ценностей получил мощную подпитку, связанную с процессами глобализации и контрглобализации, происходящими в современном мире.

На первый план вышел вопрос о наличии или отсутствии универсальных общечеловеческих ценностей.

Сторонники глобализации настаивают на существовании таких ценностей.

Они рассматривают их как духовную основу консолидации, которая, по их убеждению, рано или поздно снесет все национальные перегородки и приведет к возникновению планетарно единого человечества.

В настоящий момент, полагают глобалисты, народы делятся условно на «зрелые» и «незрелые».

Первые уже достигли понимания подлинных универсальных ценностей, а вторым только предстоит обрести такое понимание в процессе неминуемого взросления.

Позиция антиглобалистов альтернативна.

Они убеждены, в том, что никакой глобализации как объективного, исторически неизбежного процесса нет.

По их мнению, есть высокомерная и своекорыстная политика **глобализма**, которую осуществляют наиболее развитые страны Запада с целью подчинить себе все прочее человечество.

Для этого Запад пытается навязать людям во всем мире собственные стандарты мышления, чувствования и практического поведения, выдавая их за универсальные нормы.

Антиглобалисты категорически отрицают существование общечеловеческих ценностей.

Они признают, что и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке люди сидят в Интернете, пьют кока-колу, носят джинсы, смотрят голливудские блокбастеры, слушают музыку Тейлор Свифт и мечтают купить 15-й iPhone.

Однако такая унификация потребительских приоритетов не имеет никакого отношения к интеграции ценностей, поскольку ни iPhone, ни джинсы, ни кока-кола ценностями не являются.

Это всего лишь **блага**, качественно отличные от ценностей, которые у каждой культуры свои и унификации не подлежат.

У меня есть разногласия и с первой, и со второй точкой зрения.

В отличие от глобалистов, я не верю в слияние культур.

В отличие от антиглобалистов, я признаю существование общечеловеческих ценностей.

Чтобы разобраться в сути этого вопроса, нам нужно для начала определить само понятие «ценности».

Существует три разных трактовки этого феномена.

Одну из них называют объектной.

В соответствии с ней ценностью является любой предмет, способный удовлетворять человеческую потребность.

Именно с такой трактовкой мы сталкиваемся в быту, когда администрация бассейна или бани призывает нас «сдавать ценности на хранение администрации», а золотые украшения наших женщин называют не просто ценностями, а драгоценностями.

Впрочем, объектная трактовка используется не только в быту.

Ею руководствовались депутаты Государственной думы, принимая недавний закон о перемещении культурных ценностей через государственную границу России.

Объектная трактовка встречается в трудах экономистов, называющих товарные тела потребительскими ценностями (хотя в русской традиции вместо понятия «ценность» используется, как правило, понятие «стоимость»).

Наконец, объектную трактовку используют некоторые философы, которые до сих пор спорят о том, всякий ли предмет является ценностью или это зависит от характера потребности, которую он удовлетворяет.

Картину Леонардо да Винчи, которая «работает» на высшую экзистенциальную потребность человека в красоте, признают ценностью, а вот городскую канализацию считают всего лишь значимостью.

Признается также существование антиценностей, к которым относят, к примеру, наркотики и другие объекты, угрожающие человеку и человечеству.

Вторую трактовку я называю реляционной.

Ценность в этом случае понимается не как объект, имеющий вес и протяженность, а как бестелесное отношение, возникающее между субъектом и объектом.

То есть ценность трактуется как **нужность** объекта для человека.

В этом смысле картина Леонардо не является ценностью, а обладает ценностью.

Согласно третьей трактовке, ценность – это не вещь и не отношение, существующие вне пределов человеческого сознания, это внутренний фактор самого сознания.

В одном случае ценность понимают как **представление** человека о значимости вещи, которое может не совпадать с ее объективной значимостью.

В другом случае ценность «распредмечивают» и трактуют как регулятор поведения, **мотивационный** компонент сознания.

Именно такой трактовкой я и буду руководствоваться.

Гарегин Ашотович совершенно верно связал проблему ценностей с проблемой мотивации, о которой я хотел бы сказать несколько слов.

Мотивация – это одно из свойств человеческой психики, которая осуществляет четыре необходимые информационные функции – функцию ориентационную, функцию мотивационную, функцию проектную и функцию реактивную.

Мотивация предполагает экспертизу возможных поведенческих реакций на испытываемые человеком влечения, которые возникают в результате актуализации наших потребностей.

Например, переход пищевой потребности в состояние нужды вызывает пищевое влечение, актуализация половой потребности вызывает половое влечение и так далее.

Цели мотивации – оценить возможные варианты поведения, чтобы выбрать оптимальный из них.

Способность к такому выбору я называю свободой человеческой воли.

Нужно понимать, что мотивация, основанная на свободном выборе поведенческих альтернатив, – это исключительное достояние человека.

Конечно, высшие животные обладают способностью к вариативному поведению, то есть способны вести себя по-разному во внешне одинаковой ситуации.

Если вы предложите собаке аппетитную еду, она – в отличие от курицы – далеко не всегда ее возьмет, поскольку животное может быть дрессированным, приученным не брать пищу из рук чужого человека.

Означает ли это, что у собаки имеется способность к мотивации и свобода воли?

Ни в коем случае.

Животное обладает вариативностью поведения, но у него отсутствует **свобода выбора** вариантов, поскольку поведенческая реакция животных всегда определяется наиболее сильным из испытываемых ими влечений.

Есть известный эксперимент, в ходе которого зоопсихологи ставят кота перед альтернативой: вкусная еда или симпатичная кошка.

Животное может вести себя по-разному, однако его решение предопределяется тем, какая из его потребностей – пищевая или половая – актуализирована в наибольшей степени.

Это означает, что в ситуации, когда голод становится нестерпимым, все романтические намерения покидают кошачью голову и пищевое поведение становится безальтернативным.

Напрасно думать, что голодный кот откажется от пищи на том основании, что ее подали в некрасивой посуде или в неподобающем месте.

Точно так же, если коту больше хочется секса, не следует рассчитывать на то, что он воздержится от него, поскольку осознал греховность половой любви.

Как вы понимаете, люди ведут себя иначе.

Конечно, наш поведенческий выбор также зависит от силы испытываемого влечения, но он **не предопределяется** ею.

Только человек способен отказываться от еды в ситуации, когда умирает от голода.

Вы помните события 1981 года, когда несколько членов Ирландской революционной армии последовательно умертвили себя в ходе голодовки, настаивая на исполнении своих требований.

Точно так же только человек способен блокировать самое сильное половое влечение, руководствуясь соображениями рассудка или мотивами долженствования, отсутствующими у животных.

Таким образом, задачи мотивации – определить вариант поведения, который представляется человеку наилучшим.

Нужно сказать, что человек устроен так, что в любой ситуации стремится к «лучшему» для себя и не может стремиться к «худшему» как к самоцели.

Это ограничивает свободу человеческой воли, но не отменяет ее, поскольку выбор «лучшего» не ограничен ничем.

Представления о лучшем чрезвычайно различны, и они определяются прежде всего ценностными установками человека.

Поэтому на вопрос «Что такое ценность?» я отвечаю так: ценности – это наиболее глубокие мотивационные предпочтения человека, которые выступают как стратегические ориентиры и критерии поведенческого выбора.

Следует особо подчеркнуть слово «стратегические».

Дело в том, что далеко не всякое человеческое предпочтение является ценностным.

Когда мы выбираем блюдо в ресторане или марку холодильника для домашней кухни, мы руководствуемся

эмоциональными и рассудочными предпочтениями, которые сами по себе не являются ценностными.

Другое дело, когда человек решает, купить ли ему еще одно дорогостоящее авто или, поддавшись велению души, отдать деньги на благотворительность.

Выбор становится ценностным, когда он обращен на **конечные цели** человеческой жизни, а также на **фундированные** ими **потребности**, которые обеспечивают реализацию этих целей.

Скажу несколько слов о конечных целях человеческого существования – информационных векторах поведения, с которых начинается и на которых заканчивается цепочка целевого причинения действий.

У человека, как и у всякого живого существа, обладающего психикой, есть две конечные цели жизни.

Первая из них задана генетически запрограммированным влечением к сохранению **факта** жизни, к биологическому выживанию в среде.

Вторая цель задана таким же генетически запрограммированным влечением к сохранению и оптимизации приемлемого **качества** жизни путем максимизации удовольствий, доставляемых жизнью, и минимизации причиняемых ею страданий.

Скажу сразу, что удовольствия человека не ограничиваются «радостями тела», но включают, к примеру, удовольствие чистой совести.

Эти цели называют конечными потому, что за ними не стоит целевая причинность.

Говоря попросту, применительно к этим целям вопрос «зачем?» становится бессмысленным.

Если спросить человека, зачем ему нужны деньги, он легко найдет ответ: они нужны для того, чтобы хорошо жить, получая удовольствие от жизни.

А вот на другой вопрос – «Зачем тебе получать удовольствие от жизни?» – ответа не будет.

Речь идет о конечной цели, которая представляет собой, если говорить философским языком, самоцельный информационный вектор.

Мы знаем, **почему** человек стремится жить хорошо и не стремится жить плохо, – потому, что он так устроен.

Вопрос «**Зачем** это так?» нужно адресовать Господу Богу, если это он создал человека, преследуя собственные цели.

Обе конечные цели жизни, как я уже сказал, заданы генетически.

Они даны человеку принудительно и выступают, словами Маслоу, как **инстинктоподобные** влечения (у человека нет инстинктов, но есть влечения, действующие с силой инстинкта).

Ни одну из конечных предписанных нам целей мы не можем отменить.

Сам факт их наличия и принудительного воздействия на поведение не зависит от нашего сознания.

А вот процесс **реализации** этих целей подвластен нашей воле.

В ситуации, которую немецкий философ, психолог и психиатр Карл Ясперс называл «экзистенциальной», человек подвергает конечные цели

мотивационной экспертизе, решая, что для него важнее – сохранение факта жизни или обеспечение ее приемлемого качества.

Готовы ли мы отказаться от жизни, если условием ее продолжения является несвобода, унижение и бесчестие?

Или мы руководствуемся максимой: живая собака лучше мертвого льва?

Именно с этой гамлетовской дилеммы «быть или не быть», с этого экзистенциального выбора начинается работа ценностного сознания.

Впрочем, ценностный выбор не ограничивается лишь конечными целями жизни.

Он распространяется также на **потребности**, которые фундированы этими целями.

Если человек сделал выбор в пользу жизни, неизбежно встает вопрос о выборе приоритетных потребностей, делающих эту жизнь возможной.

Под потребностью я понимаю свойство человека испытывать надобность в том, без чего его жизнь или невозможна, или некомфортна.

Не следует путать потребность с предметом потребности.

Предмет потребности – это тот или иной объект, необходимый человеку.

А сама потребность – это свойство субъекта испытывать надобность в этом объекте.

Потребности, как и конечные цели жизни, даны людям принудительно, их наличие и воздействие на наше поведение не зависят от нашей воли.

Однако сознание человека властно вторгается в процесс реализации потребностей.

К примеру, священнослужитель, давший обет целибата, не может отменить свою половую потребность и связанное с ней половое влечение.

Но он может блокировать это влечение, используя порой весьма радикальные методы (как это делал отец Сергей из одноименной повести Толстого).

Свободная человеческая воля позволяет нам ранжировать потребности – делить их на первостепенные и второстепенные, подлежащие и не подлежащие удовлетворению.

Мы совершаем ценностный выбор, когда решаем, какие из предписанных нам потребностей для нас приоритетны.

Что следует предпочесть – потребность в свободе или потребность в безопасности?

Исправные сапоги – Венере Милосской или Венеру Милосскую – исправным сапогам?

Готовы ли мы пожертвовать здоровьем и долголетием ради чувственных удовольствий, которые вредят долголетию, но делают жизнь чертовски приятной?

Готовы ли мы пожертвовать семейным счастьем ради творческой самореализации в обществе?

Важно понимать, что подобный ценностный выбор не подлежит гносеологической экспертизе на истинность или ложность, поскольку ценности связаны с миром должного, который, как доказал еще Дэвид Юм, не сводится к миру сущего и не выводится из него.

Это значит, что ценностные суждения человека могут быть общезначимыми и даже общеобязательными, но они ни при каких условиях не могут быть истинными или ложными.

«Ложных» ценностей не бывает, бывают неадекватные способы реализации ценностей.

Бессмысленно ждать от ученых точного и однозначного ответа на вопрос, следует ли разрешить аборты или эвтаназию.

Это не вопрос истины, это вопрос осознанного выбора между ценностью свободы и самоценностью жизни, который не подлежит когнитивной экспертизе.

Вы видите, что предложенное мною определение ценности замыкает ценности на выбор конечных целей и потребностей, которые должны быть удовлетворены для достижения этих целей.

Должен сказать, что такая трактовка не является единственной.

К примеру, Питирим Александрович Сорокин, один из крупнейших социологов XX века, считал возможным делить ценности на два типа, выделяя «ценности как цели» и «ценности как средства».

Иными словами, он распространял ценностный выбор не только на конечные цели человека и связанные с ними потребности, но и на средства их реализации.

Согласно такому подходу, ценностью следует считать не только мотивационный выбор в пользу здоровья, но и выбор в пользу хорошей экологии, без которой никакого здоровья быть не может.

Должен сказать, что такая расширительная трактовка ценностей мне не по душе, поскольку она снижает важное различие между ценностью и значимостью.

Но бороться с таким пониманием бессмысленно, поскольку оно закреплено в общественном сознании и зафиксировано в государственных документах, в которых ценностью признается, к примеру, крепкая семья, хотя в действительности она представляет собой лишь средство реализации ценностной установки, которая признает приоритетом потребность в любви и принадлежности.

Рассуждая теоретически, мы не должны называть ценностями ни здоровье, ни свободу, ни безопасность.

Это – объекты ценностного предпочтения, именуемые благами.

Ценностью является не свобода как желаемое состояние субъекта – ценностью является мотивационный выбор в пользу свободы, рассматриваемый как приоритетная цель жизни.

Но, повторю, изменить словоупотребление, закрепленное традицией и оформленное нормами права, не представляется возможным.

После этих пояснений, касающихся природы ценностей, я перейду к ответу на вопрос о существовании общечеловеческих ценностей.

Я отвечаю на этот вопрос утвердительно с одной важной оговоркой, которая связана со значением термина «общий».

В русском языке это слово используется в двух разных значениях.

Давайте сравним две фразы.

Первая – «Стивен Спилберг и Никита Михалков заняты общим делом кинорежиссуры».

Вторая фраза – «Эльвира Набиуллина и Антон Силуанов заняты общим делом – борьбой с инфляцией».

Вы видите, что в первом случае «общим» называют всего лишь **схожесть, одинаковость**, существующую между людьми, которые не связаны взаимодействием.

Во втором случае «общим» называют не схожее, основанное на отношениях подобия и различия, а **единое**, основанное на связях между людьми, которые действуют совместно, координируя свои усилия (под связью понимается согласованность изменений, при которой трансформация свойств и состояний одного явления сказывается на свойствах и состояниях другого).

В английском языке терминологическое различие, о котором я говорю, выражено более отчетливо.

Есть понятие «similar», которое означает «схожее», и есть понятие «common», означающее «общее как единое».

Когда люди использовали выражение «common market», они имели в виду экономики, интегрированные, связанные между собой, а не просто похожие друг на друга.

Так вот, когда я утверждаю существование общечеловеческих ценностей, я имею в виду схожесть, а не единство.

Речь не идет о ценностном консенсусе, который признан странами и народами и регулирует их совместную деятельность.

Речь идет о наличии у людей одинаковых мотивационных предпочтений, основанных на схожих представлениях о «лучшем» и «худшем» для человека.

Такие схожие предпочтения, несомненно, существуют, хотя ведут они порой не к интеграции людей, а к противодействию между ними.

Скажем, одинаковая привязанность двух мужчин к одной и той же женщине вызывает, как правило, не сотрудничество, а острый конфликт между ними.

Что касается ценностей не просто схожих, а единых, они в мировом масштабе не сложились, и не факт, что сложатся.

Конечно, существует подписанная многими странами декларация о правах человека, и она как будто даже обязательна к исполнению, но эта обязательность существует преимущественно на бумаге.

Возникнет ли когда-нибудь единая система ценностей?

Это вопрос в высшей степени спорный, поскольку культуры бывают не слишком коммуникабельными, а кроме того, вариативные практические интересы людей превалируют над их ценностями.

Как говорили Маркс и Энгельс, «идея всегда посрамляла себя, когда отрывалась от практического интереса».

А вот одинаковые, схожие ценностные предпочтения у людей, несомненно, существуют.

Утверждая это, я исхожу из прямой зависимости между ценностями и потребностями людей, которые имеют видоспецифический и исторически неизменный характер.

В самом деле, за 40–50 тысяч лет существования вида Homo sapiens у нас не появилось ни одной новой

потребности, хотя возникло множество новых средств и способов их удовлетворения.

В отличие от кроманьонцев, мы не рвем мясо зубами и руками, толкаясь у костра, а обедаем, сидя за хорошо сервированным столом.

Мы не ограничиваем свое общение жестами и криками, а используем мобильную связь и Интернет.

Мы защищаем себя с помощью полиции и юристов, а не с помощью копий или каменных топоров.

Однако от всех этих нововведений ни пищевая потребность, ни потребность в общении, ни потребность в безопасности не меняют своей универсальной природы.

Скажу несколько слов о классификации человеческих потребностей, поскольку она напрямую определяет классификацию универсальных человеческих ценностей.

Потребности человека делятся на две большие группы – потребности **витальные** и потребности **бытийные**.

К витальным относятся потребности, которые обеспечивают факт жизни.

Депривация таких потребностей автоматически ведет к смерти, по принципу «не ешь – значит, умер».

Все люди имеют одинаковый набор витальных потребностей.

К ним помимо биологических потребностей в пище, воде, кислороде и прочем относится также и социальная потребность в безопасности, которая предполагает защиту жизни от нефизиологических деструкций.

Бытийными называют потребности, которые обеспечивают приемлемое для человека качество жизни.

Депривация таких потребностей не ведет к смерти, она ведет к поражениям психики разной степени тяжести (от неврозов до психозов), которые А. Маслоу называл болезнями лишения.

У всех людей одинаковый набор бытийных потребностей.

К их числу Маслоу относил:

- потребность в любви;
- потребность в принадлежности;
- потребность в признании (самоуважении и самоутверждении);
- потребность в самоактуализации;
- потребность в познании и осознании мира;
- потребность в красоте.

К этому списку я добавил бы еще две потребности, которые отсутствуют в классификации Маслоу.

Я полагаю, что мы обязаны говорить о потребности в свободе, которая является универсальной, при условии, что мы говорим о внутренней свободе человека (свободе целепостановки), а не о его внешней свободе (свободе целереализации).

К сожалению, не каждый человек имеет потребность во внешней свободе: ее не ценят люди с патерналистским менталитетом, избегающие ответственности за собственную судьбу.

А вот внутреннюю свободу – способность самостоятельно определять свои жизненные приоритеты – человек добровольно не уступает никому и никогда.

Вторая потребность, которую я включил бы в список Маслоу, – это потребность в **справедливости**, которая представляет собой надобность человека в поддержании баланса между даянием и воздаянием.

Люди, к сожалению, не всегда справедливы к другим, но безальтернативно требуют справедливости к себе.

Повторю еще раз: потребности человека видоспецифичны и исторически неизменны.

Не нужно думать, что у первобытных людей отсутствовала хоть какая-то из названных мною потребностей.

Конечно, у них не было научных знаний, но это не значит, что у них отсутствовала когнитивная потребность, проявляющая себя как исконная человеческая любознательность.

Первобытный человек, конечно же, не посещал ни оперу, ни балет.

Но это не значит, что у него отсутствовала эстетическая потребность, которая побуждала его при прочих равных предпочитать привлекательную женщину женщине, не обладающей телесной красотой.

Я полагаю, что именно одинаковые потребности человека вызывают одинаковые мотивационные стремления к лучшему, которые называют базовыми ценностями.

В основе этих универсальных ценностей лежит оценка потребностных состояний, в соответствии с которой объективно «лучшим» для человека является

удовлетворенная потребность, а объективно «худшим» – ее депривация, потребность неудовлетворенная.

Отсюда следует, что любой психически здоровый человек, будь он мужчина или женщина, мусульманин или христианин, русский или француз, рабочий или ученый, в конечном счете предпочитает жизнь – смерти, здоровье – нездоровью, внутреннюю свободу – несвободе, общение – одиночеству (не следует путать одиночество и уединение, это разные вещи).

Человек предпочитает уважительное отношение к себе – презрению, знание – незнанию, красоту – безобразию, справедливость (как минимум к себе) – несправедливости, любовь (обращенную как минимум на себя) – ненависти, и так далее.

Иными словами, число универсальных общечеловеческих ценностей определяется числом видоспецифических (присущих всем представителям нашего вида) потребностей, удовлетворение которых человек считает «лучшим» для себя.

Я должен сделать одну важную оговорку, чтобы это утверждение не вызывало возражений в духе: «Как можно считать универсальной ценностью жизнь, если человек способен на самоубийство?»

«Можно ли считать безусловной ценностью влечение к знанию, если люди нередко предпочитают “тьме низких истин” “нас возвышающий обман”»? и так далее.

Отвечая на эти возражения, хочу напомнить, что ценностный выбор – это выбор только между конечными целями жизни и фундирующими их потребностями.

Выбор средств, которые используются для достижения этих целей, ценностным не является.

А именно со средствами достижения желаемого у человека возникают немалые проблемы.

Жизнь сложна, и людям нередко приходится использовать такие средства, которые сами по себе не доставляют нам ни малейшего удовольствия.

Я констатирую очевидный факт: человек нередко вынужден делать выбор не между добром и злом, а между злом меньшим и злом большим.

Почему мы делаем такой выбор?

Ответ прост: мы предпочитаем меньшее из зол, потому что всегда стремимся к большему из благ.

Приведу простой пример.

Я утверждаю, что для нормального человека здоровье предпочтительнее нездоровья.

Однако в романе Ярослава Гашека чешские солдаты платили по 15 или 20 крон за укол керосина в ногу, чреватый ее ампутацией.

Зачем они это делали?

Ответ очевиден: они предпочитали нездоровье и инвалидность гибели на поле боя.

Отсюда не следует, что у этих людей отсутствовало ценностное влечение к здоровью как безусловному благу, а болезнь представлялась им ценностью.

Речь шла о выборе меньшего из зол, который делался потому, что ценность жизни для этих людей стояла выше, чем ценность здоровья.

Они жертвовали здоровьем ради более важной ценности.

«Жертва» – это ключевое слово в подобных ситуациях.

Человек не может жертвовать тем, что он не ценит.

Жертва – это всегда отказ от «хорошего» ради «лучшего», к которому мы стремимся.

Точно так же, когда я утверждаю универсальность ценностного влечения к знанию, меня не смущает тот факт, что люди способны предпочитать ему незнание.

Просто для некоторых людей потребность в душевном комфорте более важна, чем потребность в знаниях, которые необходимы людям, хотя в них могут содержаться «многие печали».

То же касается самоубийств.

Для любого нормального человека жизнь является объектом безусловного ценностного предпочтения.

Даже тогда, когда она доставляет нам страдания, мы ругаем не жизнь как таковую – мы ругаем выпавшее на нашу долю плохое качество жизни, о котором люди говорят: «Это не жизнь».

Впрочем, утверждая, что жизнь – это безусловная ценность, я вступаю в полемику с великим ученым Зигмундом Фрейдом, который, как известно, полагал, что помимо мотивационного влечения к жизни человеку присуще также инстинктоподобное влечение к саморазрушению, которое он называл танатосом – инстинктом смерти.

Должен сказать, что эта точка зрения не пользуется популярностью в современной гуманитаристике, ее активно критикуют многие ученые.

К их числу относится авторитетный для меня Абрахам Маслоу, который отказывался считать, что влечение к

смерти является нормой для душевно здорового человека, свободного от психофизиологических расстройств, которые вызывают мучительные депрессии, подлежащие лечению, но не всегда поддающиеся ему.

Деструктивные формы поведения, обращенные на самого себя, свойственны и психически нормальным людям, но во всех непатологических случаях такое саморазрушение мотивировано не танатосом, инстинктом саморазрушения, а неискоренимым стремлением человека к обретению «лучшего» для себя.

Люди, истязавшие свою плоть из религиозных соображений, делают это для обретения «подлинной» жизни, очищенной от мирских соблазнов.

Человек, совершающий самоубийство, всегда защищает себя от опасностей худших, чем смерть.

В этом плане любое самоубийство осуществляется по формуле «Лучше я умру, чем...».

Признавая наличие одинаковых базовых ценностей, мы, конечно же, признаем колоссальные различия в ценностном сознании отдельных людей, целых народов и исторических эпох.

Важно лишь понимать, что эти различия связаны не с **набором** идентичных базовых ценностей, — они связаны с **субординационными связями**, которые возникают между ними.

Ценности идентичны, но их «удельный вес» в различных культурах различен.

Все люди ценят жизнь, и все люди ценят хорошее качество жизни.

Но в экзистенциальной ситуации, когда нельзя сохранить и то и другое, европейский бюргер выбирает

жизнь, а японский самурай предпочитает достойную смерть недостойной, по его убеждениям, жизни.

Мой тезис состоит в том, что взаимное непонимание между культурами возникает, когда одна из них абсолютизирует ценностные приоритеты, которые признает, но не абсолютизирует другая.

В самом деле, у многих из нас вызывает отвращение современная западная культура с ее идеологией воукизма, «исправляющей» дискриминации, гипертрофией гомосексуализма, радикальным феминизмом, который заменил борьбу за равенство полов борьбой за их одинаковость.

При этом было бы ошибкой считать, что речь идет о «ложных ценностях».

На самом деле имеет место не критическая и разрушительная по своим последствиям абсолютизация вполне нормальных общечеловеческих ценностей свободы и справедливости, которые мы признаем и вполне разделяем, но только не в их радикальной и окарикатуренной форме.

Это значит, что различие между нашей культурой и современным Западом связано не с номенклатурой ценностей, а с различием **ценностных приоритетов**, что не отменяет остроты этого различия.

Боюсь, я исчерпал регламент.

Благодарю вас за внимание!

Тосунян Г. А.: Спасибо большое, Карен Хачикович!
Я понимаю, что Ваш доклад вызвал массу вопросов.

Уже по ходу доклада хотелось и уточнять, и задавать вопросы.

В свое время я с таким же удовольствием слушал курс лекций по математическому анализу на физическом факультете МГУ.

Пользуясь возможностью, хочу назвать фамилии наших великолепных преподавателей: профессор Днестровский и профессор Гончарский.

Они блестяще излагали материал, наглядно аргументируя каждое свое утверждение.

Цепочка Ваших рассуждений также может претендовать на уровень математической аргументации.

Это позволяет проследить и понять последовательность и логическую связь в ваших рассуждениях.

Перейдем к вопросам.

Пожалуйста, член академии Тощенко Жан Терентьевич, прошу Вас.

чл.-корр. **ТОЩЕНКО Ж.Т.** – проф. **МОМДЖЯН К.Х.**

ТОЩЕНКО Ж.Т.

чл.-корр., д. филос. н., научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета

Тощенко Ж.Т.: Уважаемый Карен Хачикович!

Благодарю Вас за выступление.

У меня такой вопрос.

Гарегин Ашотович во вступительном слове назвал 17 ценностей.

Эта классификация была выработана после обсуждения на совещании президентской администрации.

Не вызывает ли сомнений эта классификация ценностей?

Момджян К.Х.: Спасибо, Жан Терентьевич, за вопрос.

Я не имею ни возможности, ни желания полемизировать с государственными институтами.

Если правительственные органы выделяют именно 17 ценностей, придется, наверное, с этим смириться, хотя согласиться с этим я не могу.

Уверен, что с теоретической точки зрения было бы точнее ограничить номенклатуру базовых ценностей типологией человеческих потребностей, которая обусловлена конечными целями нашего существования в мире.

Повторю: выбор средств достижения этих целей и связанных с ними потребностей я вывожу за пределы ценностного сознания.

Для меня, к примеру, ценностным является мотивационный выбор в пользу потребности в любви и принадлежности.

А государственные инстанции выносят в качестве самостоятельной ценности крепкую семью, которая является не более чем средством реализации этой потребности.

Соответственно, я трактую семью как безусловное благо, значимое для людей, но не ценность в категориальном понимании этого термина.

Но это логика ученого.

У правительственных структур, ориентированных на массовое сознание, своя логика.

Тощенко Ж.Т.: Спасибо.

Тосунян Г. А.: Спасибо.

Пожалуйста, Олег Анатольевич Ефремов, МГУ.

к. филос. н. **ЕФРЕМОВ О.А.** – проф. **МОМДЖЯН К.Х.**

ЕФРЕМОВ О.А.

к. филос. н., доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий эксперт Института фундаментальных проблем социогуманитарных наук Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»

Ефремов О.А.: Карен Хачикович, спасибо за доклад.

С большинством Ваших утверждений я согласен.
У меня, скорее, вопрос на уточнение.

В Вашем докладе не совсем ясно, на мой взгляд, прозвучали две очень важные характеристики ценностей и их роли в обществе.

А именно адаптивность и эффективность.

В конечном счете любая ценностная система должна ориентировать людей на эффективное поведение.

Поведение, позволяющее осуществить ту самую адаптацию.

Адаптацию, которая является необходимым свойством всего живого.

И даже какие-то абсурдные вещи в рамках одной системы, урегулированной или мотивированной ценностями, могут быть вполне функциональными.

Возьмем Ваш пример с самураями.

Он как раз свидетельствует о том, что определенное качество самурайского сообщества было просто необходимо в условиях выживания японского общества в то время.

Точно так же, как в русской армии в XIX веке, по сути дела, узаконили дуэли.

Это было необходимо для особого качества офицерского корпуса.

Тосунян Г.А.: Карен Хачикович, я прошу Вас оценить такую характеристику ценности.

Момджян К.Х.: Я не могу с этим согласиться.

От ценностного выбора действительно зависит наша способность адаптироваться к среде существования.

Но это не значит, что «подлинными» являются лишь такие ценности, которые гарантируют адаптивный эффект.

Простой пример.

Монгольское войско осаждает известный русский город Козельск.

Если мы руководствуемся интересами адаптации, понятой как способ выживания, нужно сдать город более сильному врагу в надежде сохранить хотя бы часть человеческих жизней.

Это решение представляется целесообразным в условиях явного неравенства сил.

И все же люди предпочитают смерть поруганию и бесчестию.

Можно ли считать это «неадаптивное» решение ошибочным, если люди исходят из убеждения, что в их жизни есть ценности поважнее, чем жизнь?

Кроме того, адаптивность также бывает разной.

Вы помните, еще Дарвин говорил об индивидуальной и видовой адаптации, которая способствует сохранению популяции.

Так же и в обществе: адаптация не сводится к выживанию отдельно взятых людей.

Нередко речь идет о сохранении нации, для которой героическая гибель козельцев есть мощный мотивирующий и, следовательно, адаптивный фактор, существенно повышающий самооценку.

Тосунян Г. А.: Спасибо.

Академик Полтерович Виктор Меерович, прошу Вас.

акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад. РАН, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Эконометрического общества, почетный президент Новой экономической ассоциации

Полтерович В.М.: Спасибо за доклад.

У меня много вопросов.

Я, пожалуй, ограничусь тремя.

Вы говорили о том, что жизнь, свобода, уважение, красота, справедливость – это общечеловеческие ценности.

На мой взгляд, понятия «свобода», «уважение», «красота» и «справедливость» – разные для разных времен и народов.

Когда мы говорим, что это общечеловеческие ценности, не определяя, что за этим стоит, это выглядит не слишком содержательно.

Разве не так?

Момджян К.Х.: Нет, я не могу с Вами согласиться.

Я полагаю, что свобода, как говорят в народе, и в Африке свобода.

Свобода – это совершенно определенное, объективное свойство человека.

Разным может быть лишь отношение к свободе.

Полтерович В.М.: По-Вашему, крепостной чувствовал себя несвободным?

В системе, где существовали крепостные.

Момджян К.Х.: Речь идет об отношении к свободе.

Полтерович В.М.: Но само понятие свободы разное.

Момджян К.Х.: Простите, но это не так.

Давайте разберемся.

Вы говорите о свободе крепостных, а я хотел бы уточнить, какое из двух объективных измерений человеческой свободы Вы имеете в виду.

Я уже говорил, что существует свобода целереализации.

Это способность человека самостоятельно контролировать внешние условия своей жизни и делать все то, что он хотел бы сделать.

В этом плане крепостные, безусловно, не свободны.

Но существует свобода, которую мы называем свободой целепостановки.

Это свобода внутренняя, способность самостоятельно определять свои жизненные приоритеты.

Самостоятельно решать, что для тебя хорошо и что для тебя плохо.

Эти две разные свободы рассогласованы между собой, потому что стремление к внешней свободе, свободе целереализации, не является универсальным.

С чем связана проблема недавних российских реформ?

С тем, что она началась с политической либерализации, в то время как значительное большинство российских граждан считает приоритетом не свободу слова, собраний и прочее, а гарантированное удовлетворение жизнеобеспечивающих потребностей, включая потребность в безопасности.

Внутреннюю свободу человек добровольно не отдает никому и никогда.

И в этом плане крепостной, безусловно, свободен.

Внутреннюю свободу сохраняет даже закованный в кандалы раб.

Внутренняя свобода – это способность человека не делать то, чего он не желает делать.

На такую свободу любой человек, словами Ж.-П. Сартра, «обречен» (хотя она не исключает ситуацию человеческой объектности).

Полтерович В.М.: Я готов возразить.

Но лучше я задам еще пару вопросов.

Вы использовали такое понятие, как «ценностный приоритет».

А как определить сам приоритет?

Приоритет выступает здесь чем-то похожим на предпочтение.

Момджян К.Х.: К сожалению, ограничено время, и я не могу подробно аргументировать свои утверждения.

Приоритет – да, это предпочтение.

Полтерович В.М.: Предпочтение как приоритет и ценностный приоритет довольно трудно различить.

Момджян К.Х.: Не думаю, что это так.

Начнем с того, что далеко не всякое человеческое предпочтение является ценностным.

Когда я выбираю между люля-кебабом и шашлыком, это тоже мое предпочтение.

Но Вы никогда не назовете его ценностным.

Полтерович В.М.: Приоритет оказывается неразрывно связан с понятием ценности.

Он движим самим понятием ценности.

Момджян К.Х.: Совершенно согласен с тем, что понятия ценности и ценностного приоритета тесно связаны между собой.

Полтерович В.М.: Поэтому словосочетание «ценностный приоритет» звучит странно.

Момджян К.Х.: Ценность – это предпочтение.

У человека множество предпочтений, и они обладают для него разной важностью.

Для фиксации этой «разновесности» предпочтений и используется понятие приоритета.

Полтерович В.М.: Тогда понятие «приоритет» требует некоторого разъяснения, иначе не очень убедительно...

Момджян К.Х.: А что неубедительно, Виктор Меерович?

У Вас же есть система предпочтений?

Вы предпочитаете одну пищу другой.

Вы предпочитаете один автомобиль другому.

Почему мы не можем оформить эту избирательность с помощью термина «приоритет»?

Полтерович В.М.: Третий вопрос.

А не считаете ли Вы, что на самом деле для разных людей имеют место разные иерархии ценностей?

Единая ли в разных обществах иерархия ценностей, или она разная?

Момджян К.Х.: Ценности одинаковые, а иерархия ценностей совершенно разная.

Ценностные сознания людей, наций, культур и эпох различаются.

Их особенность состоит в субординационной связи, которая возникает внутри совершенно одинакового набора человеческих ценностей.

Я хотел бы воспользоваться вопросом Виктора Меевича и поговорить о причинах, которые вызывают ценностные различия между людьми.

Начнем с инфраструктурных оснований ценностного сознания.

Процесс мотивации, о котором я говорил, имеет три разных уровня.

У человека есть **эмоциональная** мотивация, для которой критерием «лучшего» является «приятное».

У человека есть **рассудочная** мотивация, для которой критерием «лучшего» является «полезное» и «осуществимое».

Наконец, у человека есть **облигаторная** мотивация, для которой критерием «лучшего» является «должное», «приличное», «пристойное», санкционированное нормами культуры, усвоенными в процессе социализации.

Названные уровни находятся в состоянии перманентного конфликта, когда стремление к «приятному» противоречит стремлению к «полезному» или оба они блокируются мотивами долженствования.

Исход этого противоборства на уровне индивидуального поведения предсказать нельзя.

Тем не менее мы можем делать статистические обобщения, выделяя мотивационные доминанты, присущие отдельным людям и целым народам.

Мы знаем, к примеру, что есть русские, похожие на немцев, и есть немцы, похожие на русских.

Тем не менее мы можем утверждать, что статистически в менталитете немцев преобладает рассудочная мотивация, а в национальном менталитете русских статистически преобладает эмоциональная мотивация.

Русский человек в большинстве случаев руководствуется известной максимой: «Если нельзя, но очень хочется, то можно».

Названные уровни мотивации образуют бэкграунд, инфраструктуру ценностного выбора.

А дальше начинаются содержательные линии разлома, определяющие различия в ценностном сознании народов и исторических эпох.

Прежде всего нужно упомянуть различия, связанные с доминирующим метафизическим восприятием реальности.

Если вы воспринимаете эту реальность как трансцендентную, созданную Господом Богом, вы обладаете идеациональной ментальностью (термин П. Сорокина).

И система ваших ценностных приоритетов существенно отличается от приоритетов людей, которые принадлежат к сенсатной ментальности, считающей человека несотворенным самоцельным существом, живущим в несотворенном материальном мире.

Конечно, это метафизическое различие не является единственной причиной ценностных различий.

Они в равной степени существуют между культурами религиозными или нерелигиозными.

Здесь я назвал бы два основания ценностного разлома, которые связаны с восприятием двух разных измерений жизненного мира – субъект-объектного и субъект-субъектного.

В первом случае речь идет о разном отношении к тому, что Горький называл «человеческим деянием».

Одни культуры руководствуются принципом экстернального активизма, полагая, что достойная человеческая жизнь предполагает масштабную перестройку природной и социокультурной среды.

Другие культуры руководствуются принципом интернального активизма, исходя из того, что достойная жизнь человека предполагает трансформацию внутреннего мира, а не внешней среды .

Для иллюстрации достаточно сравнить деятельный менталитет англосаксов с менталитетом людей буддийской культуры.

Что касается субъект-субъектного измерения жизненного мира, то речь идет о разном отношении человека к себе подобным.

Здесь ценностными альтернативами являются **солидаристский** менталитет, который предполагает восприятие другого как близкого и руководствуется правилом «Чем лучше другому, тем лучше мне», и **конкурентный** менталитет, воспринимающий другого как соперника.

Впрочем, здесь есть тонкие различия.

К примеру, мы считаем российский менталитет солидаристским, основанным на идее коллективизма.

Это действительно так, с той оговоркой, что наш коллективизм основан на эмоциональном отношении к родным и близким, ради которых люди готовы отдать последнюю рубашку и даже пожертвовать жизнью.

К сожалению, лишь в тяжкие години бедствий наш коллективизм распространяется не только на «своих», но и на соотечественников, с которыми мы не связаны прямым взаимодействием по принципу «глаза в глаза».

Западная культура, конечно же, основана на принципах индивидуализма, что не мешает проявлениям национальной солидарности, основанной не столько на эмоциях, сколько на рассудочном расчете.

Как бы то ни было, рассуждая о коллективизме и индивидуализме, следует помнить, что индивидуалисты-американцы устроили национальный праздник, празднуя чудесное спасение женщины-летчика, сбитой во время нападения на Сербию.

А нас, к сожалению, далеко не всегда волнует судьба соотечественников, сидящих в плену у каких-нибудь талибов.

Российскому социуму явно есть над чем поработать, формируя самосознание общности, «чувство мы», которое является необходимым условием национального успеха.

Полтерович В.М.: Спасибо за интересный ответ.

Тосунян Г.А.: Квантовая механика здесь отдыхает. Принцип неопределенности Гайзенберга легче понять, чем эти категории.

Артем Оганов хотел во время ответа на второй вопрос включиться в дискуссию.

Физику надо дать слово для небольшого комментария, но только в рамках вопроса.

проф. РАН ОГАНОВ А.Р. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

ОГАНОВ А.Р.

д. ф.-м. н., профессор РАН, профессор Сколковского института науки и технологий (Сколтех)

Оганов А.Р.: У меня есть естественно-научная интерпретация того, о чем Вы говорите.

Весь мир соткан из 118 химических элементов.

Это одни и те же элементы.

В воде, в столе, у меня в глазу одни и те же элементы.

Просто они в разном соотношении.

Момджян К.Х.: Абсолютно верно.

Спасибо Вам, это очень хороший дидактический материал для моих лекций.

Оганов А.Р.: Те же самые ценности.

Просто у одного человека этой ценности больше, а другой – поменьше.

Момджян К.Х.: Именно так. Совершенно с Вами согласен.

Оганов А.Р.: Можно посмотреть на разнообразие цветов.

Их можно разложить в спектр.

Их можно представить смесью красного, зеленого и синего.

Просто в одном случае красного будет чуть больше, синего чуть меньше или наоборот.

И всё.

Тосунян Г. А.: Спасибо, это мозаика.

Когда, к примеру, пытаешься выяснить человеческие отношения, понимаешь, что это мозаика тех или иных характеристик и приоритетов.

Она вырисовывается в совершенно разные краски.

Хотя элементы одни и те же.

В психологических отношениях так же.

Пожалуйста, профессор Калашников Сергей Вячеславович.

д. э. н. КАЛАШНИКОВ С.В. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

КАЛАШНИКОВ С.В.

д. э. н., проф., заведующий кафедрой труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Калашников С.В.: Карен Хачикович, пожалуйста, поясните.

С одной стороны, Вы говорите, что в основе ценностных ориентаций лежат потребности.

А с другой стороны, Вы говорите, что ценностные ориентации модулируют потребности.

Так что все-таки первично?

Момджян К.Х.: Первична, безусловно, потребность.

Первый уровень ценностной мотивации – это рефлексия потребностных состояний.

Удовлетворенная потребность лучше, чем неудовлетворенная.

Это и задает систему базовых ценностей.

А дальше начинается рефлексия потребностных предпочтений, когда сознание демонстрирует способность ранжировать потребности.

Это создает не инвариантную, а вариативную часть ценностного сознания.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Академик Маевский Владимир Иванович, пожалуйста, ста.

акад. МАЕВСКИЙ В.И. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

МАЕВСКИЙ В.И.

акад. РАН, заведующий Центром институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем
воспроизводства Института экономики РАН

Маевский В.И.: Большое спасибо за доклад.
У меня такой вопрос.

На протяжении всего доклада Вы ни разу не употребили такое слово, как «противоречие».

Возможно ли противоречие в системе ценностей?

Или у них однонаправленный вектор, и они просто разного уровня ценности?

Есть ценности эмоциональные, рациональные, иррациональные, внутренние, внешние, есть ценности региональные, а также деревенские, феодальные.

Разные ценности.

Может быть, существует столкновение ценностей?

В результате столкновений происходят какие-то серьезные изменения, движения, развитие?

Слово «противоречие» имеет какое-то отношение к Вашей теме?

Момджян К.Х.: Я очень коротко отвечу.

Во-первых, по моему убеждению, никаких деревенских, феодальных и прочих ценностей не бывает, ценности совершенно одинаковы для всех стран и народов.

Бывают ценностные **приоритеты**, характерные для деревенского социума, феодального общества и так далее.

Что касается противоречий.

Конечно же, они существуют, и конечно же, бывают столкновения ценностных систем.

Примером является современный конфликт между западным ценностным сознанием и культурой так называемых «традиционных ценностей», о котором я говорил.

Более того, противоречия могут существовать внутри одной и той же ценностной системы, поскольку люди сложны и не всегда осознают, что именно для них является наиболее важным.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Владимир Иванович, Вы после второго доклада в комментариях сможете сформулировать свою позицию.

Антон Юрьевич Бuzин, руководитель «Морского банка», прошу Вас.

БУЗИН А.Ю. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

БУЗИН А.Ю.

заместитель председателя правления АО «Морской банк»

Бузин А.Ю.: Карен Хачикович, благодарю за интересный доклад.

У меня такой вопрос.

Если посмотреть на сущностную сторону ценностей, то это выход за пределы сиюминутных, разовых потребностей.

Это то, что, наверное, отличает человека от животного мира.

Это вне текущего круга инстинктов.

Собственно, вот что такое ценности.

И корректно ли рассматривать ценности как некую духовную компоненту?

Наверное, в каком-то смысле ценности – это вопрос веры, вопрос самоидентификации человека, может, базиса самоидентификации.

Насколько так можно рассуждать?

Корректно ли это?

Спасибо.

Момджян К.Х.: Мне кажется, что так и нужно рассуждать.

Ценности – это компонент человеческого сознания, отличающий его от психики животных.

Ценности – это идеальное, духовное образование, такая трактовка абсолютно корректна.

Бузин А.Ю.: Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Смолин Владимир Сергеевич, Институт прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН.
Теперь математик включается в дискуссию.

СМОЛИН В.С. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

СМОЛИН В.С.

научный сотрудник Института прикладной математики
им. М.В. Келдыша РАН

Смолин В.С.: Добрый день!

Основа человеческой цивилизации – это разделение труда.

Можно это разделение труда воспринимать как борьбу.

А можно воспринимать как сотрудничество.

Мы в этом взаимном соревновании продвигаем и общество.

То сообщество, которое хорошо организует конкуренцию как сотрудничество, оно, естественно, выигрывает у других сообществ.

А чтобы организовать сотрудничество и цивилизованную конкуренцию, нужно, чтобы общество имело своих руководителей.

С одной стороны, нужны люди, которые могли бы ставить правильные цели.

С другой – те, кто за этими людьми пойдет и обеспечит единство общества.

Проблема мира в том, что те, кто стремится к доминированию, к сожалению, обрубают обратную связь.

Их все меньше волнует, что думает остальное общество о поставленных ими целях.

Есть ли у Вас представление, как обеспечить этот баланс?

Момджян К.Х.: Я согласен с тем, что Вы сказали.

Обществу необходимо компетентное руководство, которого явно не хватает.

Вот только в отношении ценностного сознания такое руководство должно быть очень осторожным.

Нередки случаи, когда люди, наделенные властью, воспринимают собственную ценностную систему как безальтернативную, трактуют ее как истину, которую можно принудительно навязывать другим людям.

Именно это происходит в современной западной культуре, которая незаметно для себя трансформировала либерализм в жуткую идейную нетерпимость.

Это не значит, конечно, что мы не вправе пропагандировать ценности, в которые верим, действуя путем убеждения, но не принуждения.

Тосунян Г. А.: Спасибо.

Черныш Михаил Федорович, член академии, руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Прошу Вас, Михаил Федорович.

чл.-корр. **ЧЕРНЫШ М.Ф.** – проф. **МОМДЖЯН К.Х.**

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр., д. социол. н., проф., директор Федерального исследовательского социологического центра РАН

Черныш М.Ф.: Карен Хачикович, спасибо большое за очень интересный доклад.

В социологии был пик интереса к ценностям в 60-е годы.

Тогда Роквич провел свое исследование, были и другие – Шварц, Вельцер и прочие.

Но именно после этого популярность тематики ценностей сошла к минимуму.

По мере того как ценности исследовались, возникла проблема соотношения ценностей с поведением в современном обществе.

Дело в том, что ценности очень слабо коррелируют с поведением.

То есть поведение само собой, а ценности сами собой.

Люди формируют паттерны поведения безотносительно к каким-либо ценностям.

Нужно ли нам придавать такое значение ценности с учетом того, что поведение формируется на основе интересов?

Момджян К.Х.: Мне кажется, что Вы воспринимаете ценности как какие-то отвлеченные идеалы.

Я так не считаю.

Это совершенно живые мотивационные предпочтения, которые направляют практическое поведение людей.

С ценностными коллизиями мы сталкиваемся постоянно.

К примеру, человек решает, стоит ли ему участвовать в какой-то акции, которая способствует его самоактуализации, но может причинить ущерб его безопасности.

Что это такое, если не ценностный выбор, имеющий прямое жизненное значение?

Извините меня, но мне не нравится Ваше утверждение о том, что социологи утратили интерес к ценностям.

Во-первых, я не думаю, что это так, если учесть мировой интерес к работам Рональда Инглхарта или Шалом Шварца, предлагающего алгоритм для измерения ценностных предпочтений людей.

Во-вторых, очень плохо, если наши социологи не интересуются ценностями, в то время как государственные институты чрезвычайно заинтересованы ими и конструируют для нас шкалы из 17 ценностей.

Потому что ученые стоят в стороне.

Тосунян Г.А.: Да, это опасная тенденция.

Слово профессору Мокию Михаилу Стефановичу.

Пожалуйста, Михаил Стефанович.

д. э. н. МОКИЙ М.С. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

МОКИЙ М.С.

д. э. н., профессор кафедры национальной экономики
РАНХиГС при Президенте РФ

Мокий М.С.: Спасибо большое за выступление.

Для меня это очень важная тема.

Я экономист и системщик.

Для меня какие-то общие закономерности развития общества, безусловно, связаны с ценностями.

По моему мнению, 99% споров между людьми возникает, потому что люди по-разному понимают один и тот же термин.

Наверное, в полемике я выскажу свое мнение.

А сейчас просто вопрос.

Ваш доклад называется «Проблема общечеловеческих ценностей».

То есть Вы подразумеваете, что есть общечеловеческие ценности.

А с другой стороны, Вы говорите, что не существует каких-то объективных критериев для выбора.

Скажем, истинности этих ценностей.

Как Вы это можете объяснить?

И второй вопрос.

Как Вы относитесь к такому определению ценности, которое, возможно, снимет многие вопросы?

Ценность – это сформированная в сознании человека необходимость чего-либо.

Момджян К.Х.: Я не вижу противоречия в своих утверждениях.

Если я говорю, что не существует объективных критериев сексуального выбора между блондинками и брюнетками, это не значит, что я отрицаю существование блондинок и брюнеток.

Общечеловеческие ценности существуют, а вот истинными или ложными они быть не могут.

Не все существующее в мире подпадает под гносеологические критерии истинности.

Альтернативную точку зрения называют когнитивным империализмом, который пытается использовать математику для обоснования морали или тщится доказать средствами научного дискурса наличие или отсутствие Бога.

Что касается определения ценности через категорию необходимости, то такой подход кажется мне слишком отвлеченным.

Неизбежно встает вопрос: о необходимости чего идет речь?

Мокий М.С.: Если у меня в сознании сформирована ценность, значимость чего-либо для меня, тогда я могу оценивать что-либо со следующих позиций:

- этической (хорошо или плохо);
- прагматической (полезно или вредно);
- эстетической (красиво или некрасиво);
- религиозной (кошерно, халяльно, скоромно или нет);
- нравственной и так далее.

Если мы говорим, что ценность – это сформированная именно в сознании людей необходимость, тогда мы

можем говорить о том, что именно эта необходимость определяет потребности и поведение человека.

Момджян К.Х.: Я вынужден настаивать на уточнениях.

Когда Вы утверждаете, что ценность есть фиксация необходимости, возникает вопрос: являются ли объектом ценностного предпочтения необходимые мне ботинки или кухонный кран, который мне необходимо отремонтировать?

Все ли необходимое человеку связано с ценностями?

Или все же есть смысл ограничить ценностное сознание конечными целями жизни и фундированными ими потребностями, определяя все остальное как значимость?

Тосунян Г.А.: Поскольку ответы докладчика на вопросы порождают еще больше вопросов, нужно как-то этот лавинообразный процесс отрегулировать.

Академик Погосян предлагает ограничить вопросы и приступить к обсуждению.

Думаю, все-таки надо ответить кратко по максимуму, не забывая про вопросы в чате.

Момджян К.Х.: Хорошо.

Тосунян Г.А.: Продолжим.

Член академии Васильев Вадим Валерьевич, прошу Вас.

чл.-корр. **ВАСИЛЬЕВ В.В.** – проф. **МОМДЖЯН К.Х.**

ВАСИЛЬЕВ В.В.

чл.-корр., заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Васильев В.В.: Хочу поблагодарить Карена Хачиковича.

Я имею честь работать с ним на одном факультете. Довольно часто слушаю, и всегда с огромным интересом.

У меня три коротких реплики-вопроса.

Вы отметили, если я правильно понял, что конечные цели людей – это сохранение себя и максимизация качества жизни.

Возникает вопрос.

С эволюционной точки зрения конечная цель – это не сохранение себя и максимизация.

Главная конечная цель – даже не максимизация качества жизни, а продолжение рода.

Что Вы на это скажете?

Момджян К.Х.: Ценность – это свойство индивидуального сознания, что не исключает интересубъективных состояний этого сознания.

Я не думаю, что индивид, являющийся носителем ценностей, имеет объективную цель сохранения рода.

И конечно же, я отвергаю идею коллективного субъекта.

Не думаю, что человеческий род обладает субъектностью, способен действовать, реализуя свои собственные потребности, интересы и цели.

Васильев В.В.: Я имел в виду не род в целом.

Это называется моралью, когда он заботится о детях, воспитывает их.

В конечном счете, это все выражение...

Момджян К.Х.: Это не так, Вадим.

У меня постоянные споры возникают на этот счет.

Перечисляешь потребности человека, а тебе говорят: «А где потребность сохранения рода?»

Нет такой потребности, и это очень просто доказать.

Смотрите, правительству ничего не нужно делать для того, чтобы заставить нас завтракать по утрам.

А почему?

Потому что у нас есть объективная потребность в пище, которая сама по себе, без помощи правительства заставляет вас завтракать, обедать и ужинать.

Если бы у отдельных людей была потребность в продолжении рода и влечение к ее удовлетворению, правительству не пришлось бы лезть из кожи вон, заставляя людей рожать детей.

Не было бы проблемы депопуляции, не пришлось бы стимулировать деторождение экономическими методами.

Это не значит, что для отдельного человека безразлично, сохранится общество или нет.

Человек становится человеком лишь в среде себе подобных, именуемой обществом.

Но сохранение последнего является для человека предметом несомоцельного организационного интереса, а вовсе не потребности или генетически заданной цели.

Этим человек отличается от животного.

Васильев В.В.: Как в одном замечательном фильме сказано, человек ведь тоже животное.

И у животных ведь тоже их потребности.

Момджян К.Х.: У животных действует система инстинктов, рефлекторно заданных поведенческих целей.

К их числу относится и цель видовой самосохранения.

Именно она заставляет птицу бросаться в пасть лисце, чтобы отвести ее от птенцов.

У человека инстинктов нет.

Наши безусловные рефлексы работают только на уровне соматики: они ограничиваются чиханием, морганием и прочими телесными реакциями.

Поведение человека определяется не биохимическим принуждением, а сознанием.

И это имеет как плюсы, так и некоторые минусы в виде негарантированного деторождения.

Васильев В.В.: Второй короткий вопрос.

Я все-таки не совсем понял.

Где доказательство, что человек не всегда, как Вы подчеркнули, следует наиболее сильному влечению?

Убедителен ли приведенный Вами пример – умирающие от голода протестующие?

Они ведь стремятся к чему-то?

Момджян К.Х.: Безусловно.

Васильев В.В.: Почему это стремление не является влечением?

Вы говорите, что человек всегда выбирает лучшее для него.

Какая же это свобода?

Момджян К.Х.: Очень хороший вопрос.

Всякое человеческое действие направляется влечением, которое вызвано актуализацией потребности.

Потребности человека не сводятся к потребностям физиологическим, и это же касается человеческих стремлений.

Голодающие заключенные стремились отстаивать свои права, и это стремление, конечно же, не является физиологическим.

Когда я говорю о свободе человеческой воли, я не имею в виду свободу от стремлений.

Я утверждаю, что они лишь влияют на поведение людей, но не определяют его.

Любое самое сильное влечение – не только пищевое, но и духовное (скажем, влечение к истине и красоте) – не автоматизирует наше поведение, поскольку мы способны блокировать его в процессе мотивационной экспертизы.

И конечно же, свобода человеческой воли не абсолютна.

Одно из важных ограничений состоит в том, что мы всегда стремимся к «лучшему» и не можем стремиться к «худшему» как к самоцели.

Вадим, Вы можете себе представить ситуацию, когда человек потирает руки и говорит:

«Как бы побыстрее прийти домой и поесть невкусно?»

Васильев В.В.: Разве только какие-то извращенные.

Момджян К.Х.: Это невозможно в принципе.

Любой Ваш выбор «худшего» есть средство обретения «лучшего».

Человек ограничивает себя в хорошей еде и давится отвратительным, на мой вкус, сельдереем, потому что считает лучшим для себя сохранение здоровья или фигуры.

Невозможно смоделировать ситуацию, в которой человек стремится к «худшему» как таковому, а не ради достижения «лучшего».

Васильев В.В.: Я не спорю с Вами.

Это как раз отрицает свободу, о которой Вы говорили.

Момджян К.Х.: Не отрицает, а всего лишь ограничивает, поскольку в выборе «лучшего» человек совершенно свободен.

Я не оцениваю свободу по принципу «Всё или ничего».

Васильев В.В.: Понятно. Это я и хотел уточнить.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Коллеги, в ценностных категориях я упомянул принцип неопределенности Гайзенберга.

Здесь он, видимо, тоже реализуется.

Уж очень высокая степень неопределенности и противоречий.

Они появляются просто даже на понятийном уровне.

Вот почему академик Погосян, наверное, и предложил остановить вопросы.

Давайте, действительно, перейдем ко второму докладу.

А потом будем обсуждать.

Левицкий Виктор Сергеевич, прошу Вас.

Тема доклада – «Причина ценностных противостояний в современном мире».

ДОКЛАД 2

ЛЕВИЦКИЙ В.С.

д. филос. н., профессор кафедры социальной философии
и философии истории философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

ПРИЧИНЫ ЦЕННОСТНЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Добрый день, уважаемые коллеги!
Разрешите поблагодарить вас за возможность выступить перед такой авторитетной аудиторией.

Я представлю несколько иную точку зрения.
Может, даже неожиданно иную.

Ценности сегодня являются предметом не только научных дискуссий.

Они стали принципом чуть ли не цивилизационных противостояний.

Наверное, сегодня мало кто будет сомневаться в том, что современное противостояние не только экономическое, политическое, дипломатическое, но и ценностное.

Чтобы попытаться разобраться в причинах и возможных последствиях этого противостояния, я предлагаю начать сначала.

Опять рассмотреть определение того, что такое «ценности».

Но я представлю несколько иной взгляд на этот феномен.

Мы все, вне зависимости от рода деятельности, разбираемся в ценностях.

И разбираемся достаточно хорошо.

Практически в любой ситуации мы знаем, чего бы нам хотелось, к чему стоит стремиться.

Так, например, современный человек хочет при наличии возможности обновить свой мобильный телефон.

Он хочет отправиться в отпуск в путешествии в какую-нибудь экзотическую страну.

Буквально всё в этом мире для нас отмечено ценностными красками.

И тут я с Кареном Хачиковичем полностью согласен.

Ценности – это факт не мира, но человека.

Именно человек «помечает» нечто в этом мире как ценное.

А нечто лишает такого статуса, то есть проводит такую аксиологическую калибровку.

Но если ценности – это сторона человека, сторона субъекта в субъектно-объектных отношениях, значит, мы имеем дело с фактом разума.

А значит, мы имеем дело со смыслами – в них нам внешний мир только и дан.

Насколько бы ни был наш мир материален, объективен, нам он дан в виде смыслов.

Мир нам дан в виде идей нашего разума.

По-другому мы мир не воспринимаем.

Хочу дополнительно подчеркнуть, что смыслы не исчерпываются ценностным измерением.

Наверное, в них можно выделить когнитивное измерение, логическое.

Но тем не менее в каждом смысле есть и ценностное измерение.

Именно оно и интересует нас сегодня.

Попробуем разобраться в этом более подробно.

Смыслы, с одной стороны, это всегда производная разума.

Но только разума не индивидуального, а культурного.

Именно культура является тем интересубъективным резервуаром, в котором каждый из нас черпает смыслы, позволяющие нам каждый день, открывая глаза, обнаруживать внешний мир и себя в нем.

Без этого мы всегда имели бы дело с бессмысленным потоком чувственных ощущений.

Но никогда – с идеями либо образами.

С другой стороны, смыслы эти всегда даны нам как система.

Иначе они представляли бы собой бессвязный набор, и мир никогда не явился бы нам как целое.

Но здесь интересный момент.

Только часть этой системы нами осознается и встречается в эмпирическом мире.

Наиболее значимая часть этой системы нами всего лишь имплицитно подразумевается.

И никогда не встречается в эмпирическом мире.

Но именно она и детерминирует весь образ мира.

И именно этот горизонт ненаблюдаемого является общим фоном, который присутствует в каждой коммуникации.

Каждый участник коммуникационного процесса должен подразумевать этот культурный фон, чтобы диалог вообще состоялся и взаимопонимание имело место.

Это необходимое условие любой дискурсивной практики.

Я позволю себе сделать некоторое отступление.

Тогда дальнейшее повествование будет более понятным.

Увидеть эту механику в собственной культуре достаточно проблематично в силу нашей экзистенциальной вовлеченности в нее.

Поэтому в качестве иллюстрации предлагаю взять культуру, достаточно далеко отстоящую от нас.

Чтобы она могла стать предметом беспристрастного рассмотрения.

Это культура тотемического мифа.

Структуры, принципы и механика там совершенно такие же.

Но при этом мы имеем принципиально иное понимание внешнего мира.

Во-первых, генетически.

За «видимой» частью мира (эмпирией) для такой культуры существует не Вселенная как совокупность космических объектов, а соприкасающиеся сферы профанного и сакрального.

Сакральная часть мироздания – начало всего, или первовремена, – выступают основой и детерминантой мира повседневности.

Исток мира, космоса, общества, времени и так далее находится в сакральной реальности.

Во-вторых, это совершенно другое соотношение истинного, константного и изменчивого.

За изнанкой профанного там всегда присутствует сакральное.

Без путешествия в сакральное вообще нельзя получить устойчивого существования в мире эмпирическом.

Даже если вы в нашем смысле слова эмпирически родились.

Поэтому мужчина, не прошедший инициацию, человеком не является.

Это совсем другая физическая реальность.

В центре – сакральное пространство-время.

Вокруг него по круговому движению вращается профанное пространство-время.

И такое понимание пространства-времени и соотношения сакрального/профанного предполагает совершенно другое отношение к подлунному миру.

Миру, который всегда является лишь блеклой тенью мира сакрального.

Он должен проходить постоянное обновление в ежегодном карнавале.

А жизнь человека и общества – это вечное повторение исходного мифа.

Все случайное должно быть стерто, вечны лишь мифологические образцы.

Поэтому история невозможна.

Потому что все время идет повторение одного и того же.

Род всегда превалирует над индивидом.

И поэтому изгнание считается большим наказанием, чем смерть.

Потому что человек изгоняется в хаос.

Невозможно эмпирическое познание.

Потому что за объектами эмпирического мира всегда присутствует изменчивая воля мифических существ, тотемов первопредков.

Невозможно также единое название для людей.

Потому что все они являются потомками разных тотемов первопредков.

Совершенно логично: «кенгуру» не есть «собака».

Но что важно.

Именно этот горизонт ненаблюдаемого, понимание природы существующего, детерминирует все то, с чем мы сталкиваемся в эмпирическом мире.

Возвращаясь от этого примера к дальнейшему рассуждению, можно сказать, что речь идет о природе бытия и понимании места человека в нем.

Соответственно, речь идет о сущем, о должном и о ценном.

Я предлагаю этот горизонт ненаблюдаемого назвать уровнем онтологических смыслов.

А усвоение индивидуальным сознанием этих смыслов – онтологической настройкой разума.

И именно поэтому современный человек, усвоив онтологические пресуппозиции сегодняшнего дня, не сомневается, что находится в бесконечной Вселенной.

Ровно так же, как средневековый христианин не сомневался, что является частью творения Божьего.

Интересно отметить еще одно.

В тот момент, когда мы настраиваемся на определенный онтологический лад, мы тем самым поддерживаем,

актуализируем определенное бытие, определенные картины мира, придаем им онтологический статус.

В зависимости от настройки нашего разума мы имеем разные картины мира.

Мы имеем совершенно разные способы бытия в этом мире.

А как устроено это все, как работает?

Как создаются миры?

Схематично это можно представить следующим образом.

Вписывая конкретные явления и ситуации в определенную смысловую матрицу, усвоенную в процессе социализации, человек и ориентируется в этом мире.

Вне этой матрицы – бессвязный хаос.

В ней – гармония осмысленности и руководство к действию.

И именно в ней – каноны, принципы и ценности.

Метафорически это можно было бы представить следующим образом.

Направляя свет разума на внешний мир (вписывая его в смысловую матрицу), мы как бы выводим его из темноты хаоса, делаем его осмысленным и возможным для практической деятельности.

Если хотите, мы его создаем.

В этот момент мир впервые и появляется.

Сегодня уже говорили о спектре света.

Нюанс в том, что спектр этого света может быть различным.

То есть смысловая матрица может быть различной.

Спектр света может быть инфракрасным или ультрафиолетовым, например.

Но я имею в виду ни в коем случае не физическое свечение, а смысловой аспект.

И исходя из этой матрицы, из этого света, мы и группируем разное в мире.

Мы выделяем разное и имеем в конце концов разные миры.

И поэтому, встретив собаку, человек может увидеть в ней тотем первопредка.

То есть собственного родственника.

Как делают это представители племени калаиг с острова Ява.

А можно увидеть элемент зоологической классификации.

Как делает каждый человек, окончивший школу и изучавший в ней биологию.

Хочу отметить очень важный момент.

Онтологическое конструирование – дело не каких-то узких специалистов.

Специалистов, сидящих в башне из слоновой кости и занимающихся онтологией.

Мы все делаем это ежедневно.

Опредмечивая свои онтологические пресуппозиции, мы тем самым создаем определенный мир.

И поддерживаем его стабильность.

Может возникнуть вопрос: но при чем здесь ценности?

Из сказанного вполне логично проистекает ответ.

Ценности мы всегда находим в рамках таких онтологических парадигм.

Мы что-то наделяем онтологическим статусом.

То есть признаем существующим.

И уже тем самым перформативно помечаем его в какие-то аксиологические цвета.

Такой пример.

Скажем, мы считаем, что истинно сущим является бытие Божие.

Тогда наиболее ценным из всего мы считаем жизнь, посвященную служению ему.

И мы повсеместно строим соборы.

Если мы полагаем, что материя является исчерпывающим измерением существующего, тогда ценным мы считаем гедонистическое удовлетворение потребностей.

А территориально те же сообщества начинают строить адронные коллаидеры.

Что интересно.

Аксиология всегда производна от онтологии.

Помечая нечто как существующее, мы тем самым придаем ему и ценностный статус.

И тем самым определяем судьбу собственного сообщества и свою тоже.

Этот пример показывает еще очень интересный момент.

Мы все время спорим о ценностях внутри определенной онтологической парадигмы.

Мы спорим: являются либеральные ценности общечеловеческими или нет?

Существуют ли такие вещи, как традиционные ценности?

Что превалирует – ценность государства или ценность индивида?

Но практически никогда предметом специальной дискуссии не становится то главное, в свете чего ценности вообще появляются.

Природа существующего и наша позиция, наше отношение к этому существующему.

А именно в ответе на этот вопрос лежит и ответ на вопрос о природе ценностей.

То есть ценности происходят от наших онтологий.

И отсюда – логическое следствие.

Вопрос о природе существующего был и остается главным для человека.

И здесь я с некоторой гордостью и удовлетворением скажу.

Специальным предметом рассмотрения этот вопрос может стать только в философском дискурсе.

Далее возникает следующий вопрос.

Мы соглашаемся, что ценности зависят от онтологии.

Онтологии в свою очередь не инвариантны.

Где же нам искать общность канонов, норм, ценностей?

С чем она связана?

Ответ, тоже думаю, вполне логичен.

Связана она как раз с общностью онтологии.

Онтология задает аксиологию, которая задает прагматику.

Мы совместно должны разделять понимание о природе существующего и, соответственно, исходя из этого, помечать в нем нечто как ценное, а отсюда ставить цели для его достижения.

Что еще интересно.

Чем выше «концентрация бытия» в вещи, которую мы опредмечиваем, тем выше она и в аксиологической иерархической лестнице.

Приведу пример.

Если мы истинно сущим считаем трансцендентное измерение, то есть бытие Божие, то ценным становится все, что с ним связано.

Соответственно, мы организовываем крестовые походы для освобождения гроба Господнего.

Онтология всегда детерминирует аксиологию, а аксиология – прагматику.

Первым для Европы такой общий онтологический горизонт, а соответственно, и смысловую матрицу и картину мира предложило христианство.

При сохранении различий этнического состава, типа политических систем, географических условий проживания и так далее.

Именно в это время впервые был задан общий онтологический горизонт.

Горизонт, который предполагал общее понимание ценностей и, следовательно, общую деятельность.

Таким образом, впервые было унифицировано пространство, по крайней мере, смысловое.

И именно здесь, я думаю, стоит искать истоки глобализации.

Глобализация – не в логистических маршрутах.

Глобализация в первую очередь – в головах.

Наиболее завершенной формы на сегодня глобализационная тенденция достигла в социальной реальности модерна.

Структурно эта социальная реальность ничем не отличается от других типов социальной реальности.

В ее основании также лежит определенный тип разума.

Сердцевиной этого разума в данном случае является секуляризированный христианский мир.

Разум этот считается универсальным и инвариантным.

Все другие типы рациональности он маркирует не как вариативность разумности, а как отклонение от эталона рациональности.

Например, под давлением авторитета либо традиции, как говорил Кант.

Именно поэтому наиболее автономный разум и является наиболее близким к эталону.

Отсюда – превалирование целерациональности над ценностной рациональностью и требование всеобщей унификации.

Этот разум воспринимает мир как пассивный объект.

Объект, открытый и готовый к преобразующей деятельности активного субъекта.

Наиболее завершенной формы этот тип рациональности достигает в науке Нового времени.

Мысль Леонардо да Винчи может выступать квинт-эссенцией этого мировоззрения: «...там, где кричат, там истинной науки нет, ибо истина имеет одно-единственное решение, и когда оно оглашено, спор прекращается навсегда».

Суть этой мысли совершенно проста.

Истина одна.

Путь к ней может быть только один.

Путь этот называется наука.

Отсюда аналогичная ситуация с ценностями.

Коль этот разум универсален, он выстраивает столь же универсальную онтологию.

Онтологию, в которой присутствует столь же универсальная аксиология.

Поэтому любые другие ценности, противоречащие ценностям современного разума, на самом деле не ценности, а нечто им противоречащее.

Например, пережитки, суеверия либо традиции.

Важный момент, который я хотел бы особенно подчеркнуть.

Общечеловеческие ценности – это ценности современного разума.

Никаких других общечеловеческих ценностей не существует.

По крайней мере, по состоянию на данный момент.

Столь же логично выглядит и ситуация с цивилизационным проектом.

Если разум один, значит, и проект, ему соответствующий, должен быть только один.

Истина одна, значит, и путь к ней должен быть один.

Проект этот называется «Модерн», путь к нему называется «Проект модернизации».

Европейское человечество первым проделало этот путь.

Соответственно, все другие культуры и цивилизации должны пройти этим же путем.

Если, конечно, они хотят оказаться в ситуации, наиболее адекватно соответствующей существующей природе.

Все другие пути являются нелегитимными.

Другого входа в модерн, с точки зрения этого современного разума, не существует.

По состоянию на сегодня ситуация, на мой взгляд, существенно изменилась.

С чем связано это изменение?

Я бы назвал это кризисом универсального разума.

Он и привел к кризису столь же универсалистского проекта «Модерн».

Кризис этот связан в первую очередь с денонсацией веры в возможность обретения абсолютной истины.

Веры в возможность получения окончательного, однозначного ответа на вопрос о природе существующего.

Связано это, я думаю, с критикой научного разума.

Приведу цитату из «Критики научного разума» Курта Хюбнера, которая существенно контрастирует с позицией Леонардо да Винчи:

«Нет оснований полагать, что наука в ходе своего исторического движения подходит все ближе к некоей абсолютной, свободной от теоретической нагруженности истине...»

Курт Хюбнер – известный представитель философии науки.

Он выражает принципиально иное отношение и к истине, и к важности ее обретения, нежели представитель Ренессанса.

Сомнение в возможности обретения абсолютной истины стало достаточно массовым культурным феноменом.

Где-то в 60-х, 70-х годах среди интеллектуалов оно стало практически общим местом.

К началу XXI века оно стало значимым фактом социальной жизни.

И именно в этом кризисе, я думаю, следует искать ответы на все те вызовы и проблемы, о которых мы сегодня говорим.

Отсюда и ситуация с ценностями.

Если разум не универсален...

Зачем же исповедовать ценности, которые точно не гарантируют безусловной позиции?

Зачем исповедовать чужие ценности?

Они точно не имеют теперь никакой привилегированной позиции.

Но имеют обратную сторону.

Исповедуя чужие ценности, ты все время в проигрышном положении.

Ты все время в положении реципиента.

Наиболее логичным шагом в этом аксиологическом самоопределении является обращение к собственной национальной традиции, поиск собственных традиционных ценностей.

Мы видим, что культуры и цивилизации именно этим сегодня и занимаются.

Хочу отметить очень важный момент для понимания.

Этот поиск – это цивилизационно, национально, культурно окрашенное преломление универсалистского современного разума.

Этот преломленный в национальной аксиологии разум ищет сам себя.

Речь идет о национально ассимилированном, но универсальном разуме.

Разуме, который просто больше не верит в свою абсолютность.

И отсюда столь же логичной получается ситуация и с цивилизационным проектом.

Кризис универсального разума привел к краху проекта «Модерн».

Соответственно, логичным становится строительство собственного цивилизационного проекта, отталкиваясь от собственной национальной аксиологии.

Сегодня можно выделить несколько таких проектов.

Можно говорить об американском, российском, китайском, группе исламских и индийском проектах.

Это все преломления некогда универсального современного проекта.

Это проекты, которые усвоили его онтологические пресуппозиции и методологические принципы, но имплементировали их в собственные национальные аксиологические традиции.

И именно это противостояние мы и воспринимаем как аксиологическое, как ценностное противостояние.

Но, я думаю, не только ценностное.

Это противостояние и онтологического порядка.

Собственно говоря, поэтому борьба столь непримирима.

Речь идет об экзистенциальном вопросе способа бытия.

Но здесь есть и хорошая новость.

Национальное цивилизационное строительство происходит на фоне одной и той же универсальной онтологии.

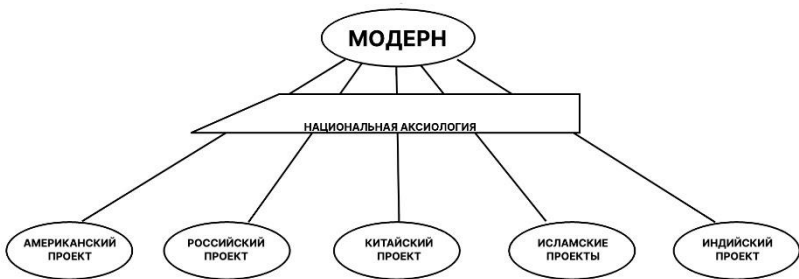
Мы просто прекратили верить в ее абсолютность и абсолютность этого разума.

Но мы по-прежнему пользуемся светским типом разума.

Мы воспринимаем мир в субъект-объектных категориях.

Речь идет о партикуляризации универсального.

Партикуляризация универсального

Но это универсальное продолжает оставаться одним и тем же во всех проектах.

Именно в этом общем основании и нужно искать возможные фундаменты, принципы для диалога, взаимопонимания и выхода из кризисных ситуаций.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Виктор Сергеевич, спасибо за содержательный доклад.

Коллеги, я думаю, что можно сейчас вопросы сочетать с выступлениями.

Жан Терентьевич, прошу Вас.

ТОЩЕНКО Ж.Т.

чл.-корр.

Уважаемые коллеги!

Еще раз хотел бы поблагодарить за интересные доклады.

Но хотел бы поделиться и определенными сомнениями.

Профессор К.Х. Момджян говорил о предпочтениях, идеалах.

О таких общечеловеческих ценностях, как свобода, демократия, права человека, проблемы справедливости.

Как социолог, я ставлю такой вопрос.

Если спросить людей, которые исповедуют либеральные, социалистические, националистические и даже фашистские идеи, придерживаются ли они свободы, демократии и прав человека, то мы столкнемся с тем, что каждый ответит, что он, в общем-то, и за свободу, и за демократию, и за права человека.

Мы предполагаем, что они вкладывают в эти понятия самые различные мировоззренческие установки.

Поэтому эти общечеловеческие ценности оказываются в конкретной реальной жизни по-разному интерпретируемыми.

Анализ ценностей выходит на философскую проблему как сущее и должное, с учетом той мировоззренческой позиции, которую занимают эти люди.

Поэтому, на мой взгляд, Карен Хачикович может еще поставить вопрос не только о смысле разума, как профессор Левицкий, а о смысле жизни.

Обращаю внимание, что многие социологи, ссылаясь на философские определения, в том числе данные и в Вашей работе, употребляют другое понятие – не «ценности», а «ценностные ориентации».

Что это означает?

То, что в зависимости от социальных, социально-демократических, социально-профессиональных различий люди в ценностях выбирают разные ориентации.

Приведу данные социологического исследования.

Исследование было посвящено ценностным ориентациям.

Что вышло на первый план?

Семья, благополучие, здоровье, взаимоотношения с близкими, проблемы религии...

Но в различных группах это выглядит по-иному.

У молодежи на первом плане – проблемы обучения, получения профессии, работы.

У людей среднего возраста – проблемы карьеры, благополучия.

У людей пенсионного возраста на первом месте – здоровье, а потом уже остальное.

Как видим, наборы различных ценностных ориентаций приобретают разные значения.

Поэтому проблема выбора должна учитывать эти моменты.

В какой-то мере ценностные ориентации зависят от уровня образования.

Высшее образование у человека или начальное – на ориентации это тоже сказывается.

Сказывается и зависимость от профессиональной занятости.

Особенно если это связано с местом жительства (город, деревня).

То же относится к представителям различных наций и народностей.

Люди могут соглашаться или не соглашаться с этим набором ценностных ориентаций.

Но их преимущество и перспективность приобретают совершенно другой аспект, когда мы определяем проблемы, характеризующие обстоятельства, которые влияют на смысл жизни человека, выступая определенным фоном.

Занимаясь, как и Вы, этими проблемами, я хотел бы узнать Ваше мнение.

Стоит ли говорить о моральных нормах, таких как достоинство, честь, коллективизм?

Наверное, такие нормы может заявить человек.

Но соблюдает ли он эти нормы?

И должна ли быть их оценка со стороны других людей, которые взаимодействуют с ним?

У меня есть определенные сомнения.

И вопрос к Карену Хачиковичу.

Вы приводили примеры, которые я отношу к ситуативным ценностям.

Они возникают в течение жизни человека.

Эти ценности связаны с важным решением в конкретной ситуации:

- с определенными видами потребления;
- с определенными влечениями;
- с определенными видами работы.

Это, наверное, тоже один из моментов классификации ценностей, которые должны быть учтены.

Мне как социологу кажется, что при анализе, особенно когда принимается необходимое управленческое решение, важен учет реальной ситуации в обществе.

Мы должны обратить особое внимание на такие ценностные ориентации в зависимости от различных показателей: социально-демографических, социально-профессиональных, этнонациональных и других.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Жан Терентьевич.
Академик Полтерович Виктор Меерович, пожалуйста.
ста.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад. РАН

Спасибо большое за доклады.

У меня вопрос по второму докладу.

Все-таки осталось неясным, в чем различие между разными цивилизационными проектами.

На таком начальном уровне рассмотрения эти различия уловить невозможно.

Возьмем официальный список сердцевинных социалистических ценностных воззрений.

Он был озвучен на одном из съездов Центрального комитета Коммунистической партии.

В нем мы обнаружим аж 12 перечисленных ценностей.

Среди них богатство и сила демократии, цивилизация, гармония...

При этом ценности общества – это свобода, равенство, справедливость, правовое правление и так далее.

И если мы посмотрим на этот список, то не найдем большого различия между теми ценностями, которые объявлены ценностями китайского проекта, ценностями западного или российского проекта.

Эти ценности, выраженные в такой общей форме, очень близки.

На самом деле различия начинаются тогда, когда мы рассматриваем более конкретное понимание этих ценностей.

Что стоит за словом «свобода»?

Что значит «демократия»?

Что стоит за остальными словами?

Демократия в китайском, швейцарском, американском вариантах очень сильно различается.

И дело не в начальных обозначениях.

Дело в более конкретном рассмотрении содержания каждого понятия.

И в иерархии соответствующих ценностей.

Мне кажется, докладчикам просто не хватило времени на то, чтобы развить свои мысли.

Развить до такого уровня, когда мы поняли бы, в чем же различие современных цивилизационных проектов.

И второй комментарий такой.

Он касается связи между ценностями и потребностями.

Соотношение здесь, на мой взгляд, тоже не очень простое.

Потребности определяют ценности.

Но и определенные ценности вызывают определенные потребности.

Кроме базовых ценностей возникают ценности второго порядка.

И начинается проблема развития ценностных ориентаций.

Это тоже очень важно.

Например, потребность в общении и ценность общения.

Есть такая ценность с самого начала.

Но воплощалась она совершенно по-разному.

В первобытном обществе общение реализовывалось в рамках семейных отношений, в рамках племени.

В современном обществе понятие общения имеет совершенно другой, гораздо более общий смысл.

И это развитие ценностных ориентаций, мне кажется, должно быть предметом рассмотрения в первую очередь.

Конечно, после того, как установлены какие-то базовые понятия.

Первый докладчик как раз говорил о коллективизме как некоторой форме воплощения определенных ценностных ориентаций, обретенных ценностных установок.

Мы наблюдаем развитие этой установки начиная от Средневековья.

Тогда коллективизм заключался в том, чтобы следовать правилам, установленным общиной.

И свобода понималась таким же образом.

Необходимость следования общинным установкам не рассматривалась как нарушение, как ограничение свободы.

Современный человек отличается индивидуализмом.

Известный немецкий политолог Кристиан Вельцель ввел понятие просоциального индивидуализма.

Просоциальный индивидуализм включает заботу о благе общества, основанную на индивидуальных установках, на свободном выборе индивида.

Мне кажется, очень важно было проследить этот процесс развития.

А в целом – спасибо еще раз за доклады.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Виктор Меерович!

Только демократию лучше не в американском или китайском варианте рассматривать.

Лучше всего – в северокорейском варианте.

У них она более содержательная.

Профессор Калашников Сергей Вячеславович, министр труда в конце 1990-х – начале 2000-х годов.

Прошу Вас.

КАЛАШНИКОВ С.В.

д. э. н., проф.

Я хотел бы поблагодарить организаторов, выбравших сегодняшнюю тему.

На мой взгляд, она крайне актуальная и важная, особенно в современных условиях.

В том числе и с политической точки зрения.

Я хотел бы поблагодарить докладчиков.

Вы пробудили огромное количество мыслей, которые требуют дополнительного обдумывания.

В качестве комментария к обоим докладам приведу данные одного эксперимента.

Я его проводил в начале 80-х годов в рамках изучения этнопсихологии.

Было выбрано несколько регионов Советского Союза.

Мы предлагали жителям три коробочки на выбор.

В одной – власть, в другой – богатство, в третьей – умелые руки, которые могут сделать всё.

С вероятностью более 95% в трех регионах бывшего Советского Союза мы получили совершенно разные ответы.

Мне кажется, что результаты этого эксперимента в определенном смысле противоречат сегодняшнему уровню обобщения.

Во-первых, абстрактное понимание самой главной ценности, например, богатства, власти и труда, не определено.

Если оно и является потребностью, то очень размытой.

С другой стороны, эта ценность первична по отношению к потребности.

И самое главное.

Я не могу согласиться с Кареном Хачиковичем, что нет каких-то общих потребностей.

Получается, в рамках этноса такая общая потребность есть.

Как Вы прокомментируете данные этого эксперимента?

Хочу высказать такую мысль.

Чтобы делать философские обобщения о ценностной ориентации, нужно опираться не только на логику мышления.

Я очень заинтересовался Вашей классификацией.

Классификация очень разветвленная.

На те психологические механизмы, которые разделяют разные понятия, мотивы, потребности.

Мотивы как опредмеченные потребности.

Нормы поведения, моральные и нравственные, – это тоже разные нормы.

Но где в этой шкале ценностные ориентации?

По этим докладам я вынес такое суждение.

Время для философского обобщения, хотя оно возможно всегда, наверное, еще не пришло.

Необходимо изучение ценностных ориентаций человека как комплексной проблемы.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Еще каких-то 80 тысяч лет – и подойдем к этому...

Георгий Александрович Сатаров, пожалуйста.

САТАРОВ Г.А.

к. т. н., президент Фонда прикладных политических исследований «ИНДЕМ»

Действительно, поднята актуальнейшая тема. Речь идет не только о философской проблеме. Мы живем сейчас в ярчайших обстоятельствах, которые подчеркивают жизненную важность этой проблемы.

Проблемы не только для конкретных стран. Не только для конкретных систем ценностей. Но даже для выживания вида Homo sapiens как такового.

Мы достигли могущества в сфере культурного развития, прежде всего в сфере технологий.

И мы даже в состоянии уничтожить не только свой вид, но и все живое на планете.

Это первое, что я хочу сказать.

Второе.

Я принадлежу к небольшому числу людей, которые считают, что мы сейчас переживаем еще одну культурную революцию.

Я имею в виду научную революцию, как это описывал Томас Кун.

Это отчасти иллюстрируется системами преподавания в наиболее продвинутых университетах.

В них стремятся стирать различия между научными направлениями и даже научными отраслями.

И надо посмотреть на этот предмет несколько шире.

В первом докладе неоднократно возникала проблема понятия истинности.

Отмечалось, что оно неприменимо к понятию ценностей.

Но эволюционная эпистемология, начиная с Карла Поппера и Конрада Лоренца, утверждала, что наука не объясняет нам, как на самом деле устроено бытие (не важно, социальное или физическое), хотя долго была уверена в этом, – она придумывает это бытие.

Но наука, в отличие от религии или искусства, непрерывно проверяет свои выдумки и, если необходимо, корректирует свои фантазии.

Поразительно, но через десятки лет современная нейропсихология пришла точно к тому же выводу об устройстве восприятия человеком внешнего мира и самого себя (не важно, социальный это мир, мир смыслов и ценностей или физический мир).

Воспринимаемые нами зрительные, слуховые и так далее образы не являются «отражениями» внешнего (вопреки ранее существовавшим постулатам традиционной психологии).

Они являются моделями, порождаемыми мозгом.

И мозг использует наши органы чувств для тестирования этих моделей, с тем чтобы в случае необходимости корректировать свои модели.

Таким образом, философы и нейропсихологи совместно хоронят понятие конечной истины, приписываемой реальности.

Они заменяют это понятие непрерывным процессом приближения к тому, что мы называем реальностью, в существовании которой ни те, ни другие не сомневаются.

Это касается и индивидуального опыта, и науки.

Социальная эпистемология, начиная с Людвика Флека, занимается процессом приближения к реальности.

Томас Кун описал нам этот процесс как череду научных революций.

Каждая научная революция завершается появлением новой научной парадигмы – системы понятий, норм, принципов, правильных способов действия, которые считаются несомненными, незыблемыми, которые не подвергаются сомнению вплоть до новой революции в науке.

Так было в Античности, во времена Средневековья, Просвещения или Модерна.

И революция начала прошлого века состояла, в частности, в том, что один и тот же объект может адекватно описываться разными теориями.

Например, одна теория трактует атомное ядро как полупрозрачный стеклянный шар, а другая – как каплю жидкости.

Они обе считаются верными в зависимости от того, частицами какой энергии проводится облучение.

Никакая из этих теорий не побеждает другую и не претендует на обладание абсолютной конечной истиной.

И ни то ни другое не является какой-то абсолютной истиной.

Каждая из них – доступный нам в данный момент инструмент для решения различных задач.

И я предлагаю продолжить обсуждение этой темы.

Было бы очень интересно и полезно практически посмотреть на ценности с точки зрения социальной или эволюционной эпистемологии и современной нейропсихологии.

Специалисты в последней сфере называют наше восприятие контролируруемыми галлюцинациями.

Это название вполне применимо и к нашей науке.

Похоже, ценности, которыми мы руководствуемся, вполне могут претендовать на звание социальных галлюцинаций, но не вполне контролируемых.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Мы с удовольствием пригласим Вас выступить у нас с докладом.

Слово имеет член академии Васильев Вадим Валерьевич.

Пожалуйста.

чл.-корр. **ВАСИЛЬЕВ В.В.** – д. филос. н. **ЛЕВИЦКИЙ В.С.**

Васильев В.В.: Спасибо большое, Гарегин Ашотович.

Благодарен Виктору Сергеевичу за доклад.
У меня короткий комментарий и уточнение.

Можно ли на языке ценностей, который Вы используете, описывать детское сознание, детскую мотивацию?

Если да, то тогда Ваш тезис о приоритете онтологии оказывается под вопросом.

Детям чужды онтологические абстракции.

А если нет, то разве взрослое сознание не континуально с детским?

Левицкий В.С.: Ценности по отношению к детскому сознанию применимы только с момента ассимиляции культуры.

С тех пор, как ребенок проходит социализацию и постепенно впитывает ценностные приоритеты.

А здесь же и онтологические.

Можно ли сказать, что у младенца с первого дня присутствуют какие-то ценности и онтологические построения?

Конечно, нет.

И онтология, и аксиология – это все вопрос культуры.

Когда культура навязала детскому сознанию свой взгляд на мир, тогда у него появляются и онтологические пресуппозиции, и аксиологические шкалы.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, коллега Ефремов.

ЕФРЕМОВ О.А.

к. филос. н.

Благодарю.

Я все-таки хотел бы начать с фразы, которую я попросил оценить Карена Хачиковича.

Он не согласился, что ценности – это способ придания эффективному статусу должного.

Исходя из определения Карена Хачиковича, ценности – важнейший мотивационный компонент.

И вряд ли стоит ограничивать значимость этого компонента только какими-то определенными сферами.

Или какими-то очень отдаленными от нашей практической деятельности ситуациями.

На самом деле ценность, пусть и опосредованно, присутствует практически в каждом акте нашей деятельности.

Она ориентирует наше поведение.

Она задает его формы, задает наши реакции.

Поскольку мы живем здесь и сейчас, в обществе должна функционировать система ценностей.

Система ценностей, которая обеспечивает эффективные в данных условиях формы поведения в любой сфере, где действует человек.

С этой точки зрения мы можем говорить, что какие-то ценности эффективны, какие-то неэффективны.

Именно поэтому они меняются.

Если ценностные ориентиры будут неэффективны, то общество будет деградировать и разваливаться.

И педагоги, и психологи, и социологи констатируют определенный ценностный хаос в современном мире, связывая с этим его кризис.

У нас нет какой-то определенной ценностной системы.

Система, которая обеспечивала бы в совокупности выживание нашего общества.

Я полностью согласен с тем, что и перечень этих ценностей несовершенен.

Я полностью согласен с тем, что упор на традиционность, консерватизм излишен.

Это просто некое начало поиска.

На что хотелось бы обратить внимание.

Принципы отношения к ценностям должны быть следующие.

Первый – это принцип традиций и новаций.

Всякая традиция – это результат приспособления к какой-то ситуации, что требует уважительного и внимательного отношения к ней.

Но ситуация меняется, новации необходимы, в том числе и в ценностной сфере.

Это условие выживания.

Второй – это принцип «свое – чужое».

Учиться – это не признак глупости, это признак ума.

Учитывая чужой опыт, мы перенимаем что-то у других.

Это только польза для нас.

Однако перенимать следует критически, адаптируя чужой опыт к собственной специфике.

Третий принцип – критическая рефлексия.

Ценности, конечно же, не сугубо рациональны.

Но воздействовать на них, в том числе иррациональным путем в процессе воспитания, социализации, мы просто обязаны.

При этом важно определять, какие ценности эффективны, что невозможно без критической рефлексии.

И с учетом этого следует воздействовать на общественное сознание.

Четвертый – это принцип сущего и должного, о котором шла речь.

Ценности никогда не реализуются в полной мере.

Но мы должны постулировать их в качестве должного.

Это выступает условием успешного общественного воспроизводства.

И на это, по идее, должна быть направлена государственная политика.

Два коротких замечания по поводу того, что говорил Карен Хачикович.

Я прекрасно понимаю, что аналитически необходимо выделять уровни мотивации.

И Карен Хачикович очень точно это делает.

Но сегодня ценностная мотивация становится все более и более значимой.

Это вывод не философов, это вывод маркетологов.

Даже выбор автомобиля сегодня порой это ценностный выбор.

И замечательный пример Карена Хачиковича с люля-кебабом.

Здесь тоже может присутствовать ценностный выбор, если человек вегетарианец или мясоед.

И это не вопрос какого-то высокого философского исследования.

Это вопрос сугубо насущный, вопрос практический.

Не следует также забывать, что эмоциональное отношение и долженствование на практике перемешаны.

Поступок против принципа долженствования может вызывать негативный или позитивный эмоциональный фон.

И это тоже, кстати, учитывают маркетологи.

Надо думать над тем, какая система ценностей нужна сегодня нашему обществу.

Какая, с одной стороны, эффективна в условиях, в которых мы вынуждены жить и действовать.

А с другой стороны, какая может утвердиться или не утвердиться конкретно у нас.

Потому что неадаптированное, некритически скопированное чужое совершенно бессмысленно.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Михаил Федорович Черныш.

чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

Черныш М.Ф.: Уважаемые коллеги, мне очень понравился и второй доклад тоже.

В нем – плавный переход к цивилизационной логике, предложен вариант понимания различий между цивилизациями.

Но мне кажется, что в этом переходе потерялась сама проблема ценностей.

И в связи с этим я вернусь к первому докладу.

Карен Хачикович рассматривал ценности как нечто, что производится в комплексе потребностей и интересов.

Докладчик связывает ценности с потребностями, которые выполняют роль производственной базы для ценностей.

И тут возникает противоречие.

С одной стороны, Карен Хачикович, как он сам признавался, методологически – индивидуалист.

А с другой, он склонен к марксизму.

Марксизм постулирует потребности важнейшей базой для производства индивидуальных ценностей, а потребности в обществе могут удовлетворяться только коллективно.

Важнейший вопрос, который можно было бы задать обоим докладчикам.

А кто субъект производства и воспроизводства ценностей?

От ответа на этот вопрос многое зависит.

Универсальными ценности становятся только в глобальном контексте.

Там, где действуют глобальные институты, производятся глобальные ценности.

В иных контекстах, там, где мы имеем других субъектов, мы имеем иные ценности.

Это можно было бы проиллюстрировать некоторыми примерами.

Карен Хачикович утверждает, что выживание ставится нами выше, чем любая другая ценность.

А я напомню, что в осажденном Ленинграде учеными, умирающими от голода, двигала культура.

В условиях войны в ряде случаев жизнь перестает быть ценностью.

Свобода перестает быть ценностью для инока, которого постригают в монастыре.

Для понимания ценностей важно то, что в каждом отдельном контексте мы имеем конкретных субъектов производства ценностей, ценностных ориентаций.

Если мы это не учтем, то мы не поймем, что такое ценности, и не поймем, как их изучать, как их анализировать.

Спасибо.

Момджян К.Х.: Можно, я сразу отвечу?

Да, ученые в осажденном Ленинграде пожертвовали жизнью для того, чтобы сохранить семенную культуру.

Но на этом основании нельзя утверждать, что жизнь не была для них ценностью.

Это жертва.

Жизнью пожертвовали ради некой ценности, которую ставят выше.

Эта ценность обязательно присутствует и обязательно имеет статус ценности.

А какое место оно занимает в ранжире, это другой вопрос.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, академик Маевский Владимир Иванович.

МАЕВСКИЙ В.И.

акад. РАН

Спасибо большое.

Мне и второй доклад тоже очень понравился.

Я все-таки хотел бы снова вернуться к проблеме противоречий.

Что происходит в настоящий момент в мире?

Мы видим, насколько активно нагнетается напряженность.

Мы видим, что творится сейчас на Украине.

Мы видим, как относятся к этому Соединенные Штаты Америки, страны Европы.

И все больше и больше говорят о вероятности третьей мировой войны, ядерной войны.

Возникает вопрос.

Каким образом можно спроецировать теоретические изыскания о проблеме ценностей на то, что происходит в настоящий момент?

Профессор М.Ф. Черныш очень правильно поставил вопрос о субъектах производства ценностей с точки зрения микроуровня.

Когда мы смотрим на ценности, которыми должен обладать каждый субъект, то действительно, есть общечеловеческие ценности.

Они близки, наверное, к тем 10 заповедям, которые снизошли сверху.

Но есть ведь не только микроуровень, есть мезоуровень и макроуровень.

И мне кажется, что действительно существуют мезосубъекты, производящие ценности.

Существуют и макросубъекты.

Что такое мезосубъект?

Для меня мезосубъект – это, допустим, военно-промышленный комплекс США.

Комплекс, которому нужно любой ценой нарастить производство оружия.

И военно-промышленный комплекс убеждает руководство Соединенных Штатов Америки, что его нужно финансировать...

А для этого нужно нагнетать напряженность.

И в результате система ценностей на мезоуровне и макроуровне вырождается в какую-то противоположность тому, что есть на микроуровне.

На микроуровне – «не убий».

На мезоуровне – «делай всё, чтобы убить».

«Не укради» – «укради»...

Приемы, которые использует современное руководство США, опираются совсем не на те ценности, которые мы сегодня обсуждаем.

Я думаю, то, что профессор М.Ф. Черныш сказал о субъектах производства ценностей, достаточно актуально.

И может быть, имеет смысл обратить внимание на эту иерархию.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Слово предоставляется Алексею Львовичу Саватюгину.

Пожалуйста.

САВАТЮГИН А.Л.

профессор Банковского института НИУ
«Высшая школа экономики»

Спасибо уважаемым докладчикам, спасибо организаторам за интересную дискуссию.

Мне кажется, мы впервые на нашем «Рабочем завтраке» обсуждаем проблему такого глобального, фундаментального масштаба.

Мне очень понравились оба доклада.

Сущностно у меня вызвал чуть больший отклик доклад Карена Хачиковича.

Я объясню почему.

Но методически больше понравился доклад Виктора Сергеевича, у него прекрасный видеоряд.

Что я хочу сказать?

Проблемы ценностей, аксиологические проблемы ставились всеми без исключения великими философами и всеми религиозными деятелями.

Вне зависимости от времени и места.

Вопрос ценностей так или иначе затрагивается и всеми великими авторами художественных книг.

Серьезные аксиологические вопросы ставятся уже в первом литературном произведении.

Оно известно нам как «Эпос о Гильгамеше».

Этому произведению уже 4 тысячи лет.

Но до сих пор ответа на эти вопросы нет ни у философов, ни у практиков.

Например, можно ли отказать в любви богине любви?

Богине, которая тебе эту любовь предлагает...

Я по профессии экономист.

Казалось бы, вопросы ценностей – это вопросы или философского, или религиозного осмысления.

Тем не менее эти вопросы серьезно обсуждаются на протяжении десятилетий в экономической науке.

Примерно в той постановке, в которой обозначил их профессор Момджян.

И именно поэтому доклад Карена Хачиковича мне показался очень близким.

Хотя это доклад философа.

По определению британского экономиста Лайонела Роббинса, экономика – наука о человеческом поведении.

Она изучает взаимоотношение между целями человека и средствами их достижения в условиях ограничений.

Ограничений финансовых, временных, физиологических – любых.

Какие ты цели поставил, и как ты их достиг.

Именно это есть предмет науки экономики.

Разные экономисты отвечали по-разному.

У Адама Смита была довольно простая модель.

Но *homo economicus* – это максимизация полезности через усложнение.

Маржинальная революция 1870-х годов породила тот самый методологический индивидуализм.

Приверженцем этой модели является Карен Хачикович.

Я, впрочем, тоже.

Разделение ординалистского и кардиналистского подходов к полезности.

То есть ценность не может быть измерима.

Она может быть лишь сопоставима с другими.

Что мне более ценно, но не *насколько* более ценно.

Это вклад не только великого социолога, но и великого итальянского экономиста Вильфредо Парето.

Работа Людвиг фон Мизеса о праксиологии.

Огромный труд по экономике «Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории», написанный в 1949 году.

Базовое у него – именно система ценностей и целей. Целей, которые человек себе определяет.

70–80-е годы – это экономический империализм.

Это нобелевский лауреат Гэри Беккер и другие ученые.

Они считали, что все определяется экономическими интересами.

И любое поведение – что любовь, что преступление – это экономическое поведение.

Соответственно, индивид исходит из соотношения «затраты – результат».

Он соизмеряет, сколько ему стоит это поведение и какое удовольствие он от этого получит.

Через этот экономический подход являются антиценности.

Например, любой курящий человек знает, что курение ему вредно.

Но почему люди курят, если здоровье – это одна из высших ценностей?

Почему человек сознательно причиняет себе вред, еще и деньги на это тратит?

Это можно объяснить.

Это понятно в рамках экономического империализма.

Конец XX века, XXI век – появляется очень модная теория.

Психология вторглась на экономическую «поляну», произвела захват в виде поведенческой экономики.

Нобелевские лауреаты Даниэль Канеман и Ричард Талер утверждали, что не всегда в поведении рассудок имеет решающее значение.

И ценности часто устанавливаются не волей разума.

Карен Хачикович говорил об отсутствии инстинктов.

Но у нас есть дорассудочное принятие решений.

Спонтанные покупки, спонтанное принятие решений.

Они вроде бы не противоречат и заявляемым ценностям, и логическим поступкам.

Тем не менее они зачастую определяют человеческое поведение.

Вопросы ценностей, приоритетов, пользы – не только для философских, социологических или политологических дискуссий.

Это чисто экономические вопросы.

При этом междисциплинарное взаимодействие очень важно.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо большое.

Слово Владимиру Сергеевичу Смолину, пожалуйста.

СМОЛИН В.С.

Я хочу высказать три важные мысли.

Во-первых, цели связаны с представлениями о сознании, разуме и многих свойствах человеческой души.

Каждый выступающий имеет свое представление.

Кто-то вспоминает квантовую природу сознания, кто-то – божественную.

У всех очень разные подходы.

Поскольку я занимаюсь разработкой сильного искусственного интеллекта, я имею свое представление.

Процесс самоорганизации жизни очень сложный.

И мы в нем находим много всего интересного.

Но с точки зрения физики, как тут было правильно сказано, это те же самые взаимодействия молекул.

И никакой цели у природы нет.

Но есть свойства у процесса самоорганизации жизни.

Это так называемый естественный отбор Дарвина.

Выживают те, кто оказался более эффективным.

И это свойство мы так или иначе преобразуем в цель.

И уже к этой цели «навешиваем» разные специфические интересные свойства.

Теперь про идеалы.

Говорилось, что есть какие-то абсолютные идеалы и абсолютная истина.

Конечно, закон Ньютона мы вряд ли отменим.

Можно предположить, как некоторые физики, что через 10, 50 или 150 лет мы придем к полному пониманию всех законов физики.

Значит ли это, что при этом мы полностью познаем мир?

Я утверждаю, что нет.

Допустим, правила игры в шахматы все здесь присутствующие знают.

Но подозреваю, что гроссмейстеров среди нас нет.

Сложность мира – не в знании базовых законов.

Она в том, как их употреблять.

То же самое относится к ценностям.

Вроде бы правильно сказано, что и в Китае, и в Америке, и у нас все за мир, равенство, свободу.

Но способы применения эти основных принципов – разные.

Соответственно, и сложность применения, и традиции, которые используются, – разные.

И они всегда будут разными.

Выбирать лучшие способы, с моей точки зрения, можно только за счет сравнения.

Это значит, что ценности, которые использует одно общество, «лучше»?

Но дело не в том, что мы будем оценивать.

Так же, как и в живой природе, в человеческой цивилизации можно развивать конкуренцию цивилизаций или конкуренцию государств.

Но все равно выживали всегда сильнейшие.

Те же гитлеровские идеи в немецком – очень цивилизованном – обществе воспринимались прекрасно.

Они давали замечательный прогресс экономике и технологии.

Экономическому чуду, которое было достигнуто за 12 лет правления Гитлера, многие до сих пор удивляются.

Но взаимодействия с остальным миром эти идеи не нашли.

Соответственно, фашистские ценности сейчас всеми отрицаются.

Ценности можно рассматривать с самых разных сторон.

Но выживут те ценности, на основе которых разовьются общества с лучшей экономикой.

И с лучшей военной поддержкой от этих экономик.

Важно при этом, чтобы все не свелось к глобализации.

Потому что если прекратится конкуренция, то прекратится прогресс модернизации.

Англосаксонский подход состоит в следующем: «Мы уже нашли окончательное развитие, а дальше – идите к нам».

Я так не считаю.

Мир сложный, и он будет бесконечным.

Но если мы прекратим конкуренцию между различными системами ценностей, то это остановит наш прогресс.

При этом нам надо обратить особое внимание на то, что мы следуем целепостановкам, которые нам предлагают.

То есть нам поставили цель критиковать западную систему ценностей.

И все присутствующие, и я тоже, критикуем.

Но если мы не обеспечим нашу экономическую, военную силу, то, к сожалению, наши ценности, какими бы хорошими они ни были, не выживут.

Мы должны смотреть, как наши ценности влияют на развитие нашей экономики, нашей обороноспособности.

И думать о путях модернизации наших ценностей.

Чтобы они при этом сохранились нашими.

И позволили нашему обществу в этой системе выжить.

В связи с этим я ставил бы две цели.

Первая – это сохранение многополярности.

Эта цель у нас действительно ставится.

Вторая – это модернизация наших ценностей с сохранением каких-то основ.

Но так, чтобы наша экономика и обороноспособность возрастали.

Вот мои основные идеи.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Мокий Михаил Стефанович, пожалуйста.

МОКИЙ М.С.

д. э. н.

Уважаемые коллеги, хочу поблагодарить и организаторов этой встречи, и докладчиков.

Они подняли, по-моему, фундаментальную тему, как должно развиваться общество.

От этого возникают многие вопросы.

У каждого есть, как верно заметил Владимир Сергеевич, свое представление об этом.

Мы все говорим о ценностях.

Но люди по-разному понимают сущностные признаки того, что является ценностью, а также потребностью, предпочтением, интересом, желанием, хотением и так далее.

В этом смысле, как говорил британский экономист Лайонел Роббинс, «мы все говорим об одном и том же, но пока не договорились, о чем именно»¹.

Нужен какой-то общий взгляд, нужно изменить точку зрения.

Если рассматривать экономические отношения как социальные отношения, то очевидно, что люди ведут себя по-разному.

На работе, когда покупают что-то, в семье, с друзьями...

По-разному понимают свободу и оценивают свои права и обязанности.

Но что определяет поведение людей, что лежит в основе их поступков?

¹ Robbins L. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. 2nd ed. London: Macmillan, 1935. P. 1.

У каждого человека в мозгу складывается некоторая ментальная модель поведения.

Эта модель поведения основывается на индивидуальном понимании того, что такое хорошо, плохо, полезно, красиво, некрасиво и так далее.

Мы не рождаемся с этими оценочными критериями.

Эти критерии формирует в сознании людей социум:

- семья;
- улица;
- школа;
- тюрьма;
- армия;
- СМИ;
- церковь...

Возникают какие-то концептуальные, контекстуальные идеологемы как высшие ценности: «Номо homini lupus est» («Человек человеку – волк»), «Делай деньги».

Или «Человек человеку – друг, товарищ и брат», «Раньше думай о Родине, а потом о себе» и так далее.

И эти идеологемы формируют оценочные критерии.

В зависимости от совокупности ценностей мы выстраиваем свое поведение в социально-экономических отношениях.

Либо как конформизм, как осознанное согласие.

Либо как публичное согласие, когда человек может внешне соглашаться, а внутренне исповедовать совсем другие оценочные критерии.

Либо как неконформизм.

А если говорить об экономике, то роль ценностей очевидна.

Мы прекрасно знаем, что лучшие друзья девушек – это бриллианты.

Но это исключительно рекламный ход.

И люди по пять лет учатся тому, как у нас в голове создавать необходимость.

Политтехнологи также формируют в головах людей ценности типа «однополое браки – это нормально», что «русские плохие» или «украинцы плохие» и так далее.

Во втором докладе было сказано, что истина одна.

Это правильно, на то она и истина.

Но то, что к ней один путь, это, мне кажется, не очень корректно.

Путей достижения истины может быть много.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Михаил Стефанович.

Пожалуйста, профессор Епихина Юлия Борисовна.

ЕПИХИНА Ю.Б.

к. социол. н., ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

Я тоже присоединяюсь к словам благодарности: организаторам – за выбор такой значимой темы, докладчикам – за интересные доклады, всем – за участие в этой дискуссии.

Действительно, многие исследователи считают, что понятие ценностей является ключевым, центральным для развития социальных наук.

Из истории социологии мы знаем, что классический период становления социологии развивался вокруг понятия ценностей.

Теория социального действия Макса Вебера, его методология понимающей социологии, концепция социального факта Эмиля Дюркгейма, теория социального действия Толкотта Парсонса – все это базируется на понятии ценностей.

Первое междисциплинарное исследование, объединившее исследователей из различных социальных наук, началось в 1938 году и получило название Гарвардского исследования.

Оно было ориентировано на поиск универсальных ценностей и проводилось при поддержке Толкотта Парсонса.

Идея была инициирована Клайдом Клакхоном.

Несмотря на усилия и проведенные глобальные эмпирические исследования, установить универсальные ценности группе этих исследователей не удалось.

Обширный период сравнительных международных исследований начался в 60-х – начале 70-х годов.

И в этой связи мне хотелось бы возразить Михаилу Федоровичу.

Все-таки надо признать, что интерес к исследованию, к поиску универсальных ценностей несколько не снизился, а наоборот, развивается.

Доказательством этому являются масштабные международные проекты:

- «Проект всемирных ценностей», инициированный когда-то Рональдом Инглхартом;
- «Европейское социальное исследование», которое базируется на модели Шаломы Шварца;
- «Евробарометры» – серия опросов общественного мнения – и ряд других.

Нужно отметить, что сейчас в сравнительных международных исследованиях ценностей предпочитают говорить не об общечеловеческих или универсальных ценностях, а о базовых ценностях.

И это не случайно.

При проведении сравнительных исследований выявилась такая методическая проблема.

Если проводить исследование в разных странах, то возникает проблема общего перевода.

Одно и то же понятие – предположим, «свобода» – в различных культурах и обществах понимается по-разному.

Возникла проблема эквивалентности, суть которой заключается в том, что в сравнительном исследовании, несмотря на культурные различия, должно измеряться одно и то же понятие.

Несмотря на разнообразие списков ценностей и обнаруживаемых иерархий ценностей, все-таки ряд базовых ценностей удалось обнаружить.

Число их достаточно ограничено, от 10 до 15 ценностей.

Другое дело, что контекстуальное, культурное наполнение этих ценностей может быть разным.

Сегодня основная дискуссия вокруг ценностей носила практический характер.

Выступающие говорили об эффективности ценностей.

С ценностями связывались какие-то надежды.

Оказывается, есть правильные ценности, которые помогут что-то сделать или привести общество, государство к чему-то.

Речь шла также о выборе.

Ценности определялись как основа мотивационной структуры поведения и действий человека – структуры, которая побуждает к определенному выбору предпочтительного поведения или достижению целей.

Это одно из возможных определений ценностей, и оно связано с образом общества или социального устройства, в котором человек очень благополучен.

В таком благополучном обществе перед человеком ставятся различные цели, и ему остается только сделать выбор, опираясь на ценности.

Однако в жизни случаются события, которые никто не выбирает: природные бедствия, болезни, смерть близких людей.

В таком случае перед человеком возникает необходимость объяснить себе произошедшее.

Объяснить и ответить на вопросы «За что?» и «Почему?».

Почему именно жители Крымска несколько лет назад не выбирали оказаться в ситуации наводнения, потерять все свое имущество?

Люди не выбирают оказаться в эпицентре боевых действий и видеть, как умирают их близкие, дети.

Болезни тоже себе никто не выбирает.

Но при этом возникает потребность каким-то образом это объяснить – если не кому-то, то хотя бы самому себе, и ответить на вопрос «За что?».

И это, наверное, тот аспект ценностей, о котором сегодня речь не шла.

Ценности дают смыслы.

Они не только являются основанием выбора или мотивационным основанием для поведения.

Они также дают возможность объяснять, придавать смысл тому, у чего смысла, может быть, и нет.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, кто-то уже говорил, что тема требует продолжения.

Академик Смирнов и член-корреспондент Касавин работают над близким по тематике проектом в рамках РАН и Института философии.

И мы договорились ориентировочно на конец мая, что они выступят у нас.

Так что эта тема в определенной проекции будет продолжена.

Прошу Вас, пожалуйста, Рубен Маркарьян.

к. э. н. **МАРКАРЬЯН Р.В.** – д. филос. н. **ЛЕВИЦКИЙ В.С.**

МАРКАРЬЯН Р.В.

к. ю. н., член адвокатских палат Москвы и Берлина, заместитель президента Гильдии российских адвокатов

Маркарьян Р.В.: Спасибо большое за предоставленное слово.

Хочу задать Карену Хачиковичу вопрос из практической плоскости.

Несмотря на то что я профессор АТиСО (Академии труда и социальных отношений), я еще преподаю основы права в школе.

Уже три года я провожу занятия в старших классах средних школ.

Сейчас эта практика распространилась уже на всю Москву.

Во-первых, количество желающих стать юристами увеличилось.

Во-вторых, дети стали побеждать на всех олимпиадах по праву.

Я занимаюсь тем, что их мотивирую.

Юрист – это не про крючочки, не про параграфы, а про справедливость.

А справедливость – философская категория.

Я пытаюсь рассказать им о разнице между Кантом и сторонниками утилитаризма.

Они начинают это понимать, но с трудом.

И причина одна.

Такого предмета, как философия, в школе нет.

Хотя я знаю, что и в немецких, и во французских, и в английских школах предмет философия – обязательный.

Это к вопросу, который Вы дважды подняли в своем выступлении.

Те, кто у власти, не понимают категорий, к которым Вы апеллируете.

Не понимают и не поймут по одной простой причине.

Они понятийным аппаратом не владеют, их этому в школе не учили.

И поэтому говорить о том, что мы сейчас выясним наконец-то, какая из ценностей более важна, не получится.

Потому что у власти те, кто этого не изучал.

А в Англии, Германии и Франции изучали.

В этой связи вопрос.

Что можно сделать для того, чтобы в школе этот предмет появился?

И второй вопрос.

Можно ли пригласить конкретно Вас к нам на лекцию в школу, чтобы Вы в доступной форме рассказали детям, для чего им это надо?

Спасибо.

Момджян К.Х.: Я с удовольствием приду.

Левицкий В.С.: Философия сокращается и в высшей школе.

Это ни к чему хорошему не ведет.

А чтобы такого не происходило, должно быть другое отношение к гуманитаристике, в том числе к философии.

Должно быть понимание, что, исходя из общего, мы видим частности.

А если нет этого общего, то частности никогда не будут иметь смысла.

Эти общие горизонты задает философия.

Читипаховян С.П.: Но в школе есть обществознание.

Маркарян Р.В.: Это совсем не то.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, профессор РАН Артем Оганов.

проф. РАН ОГАНОВ А.Р. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

Оганов А.Р.: Хотел бы еще раз поблагодарить Карена Хачиковича за очень ясный доклад.

Такое определение ценности даже гипотетически может привести к количественным, математическим подходам в философии.

То есть мы можем количественно сравнить разных людей по спектру их ценностей.

Момджян К.Х.: Безусловно.

Оганов А.Р.: Можно составлять карты ценностей.

Если хотите, я даже скажу, как это можно делать.

Можно вводить расстояния между мерами ценности людей и так далее.

Наука становится зрелой тогда и только тогда, когда она становится математичной.

Можно спорить об определениях, но это, по-моему, не очень плодотворно.

Особенно когда есть удобное определение, которое Вы как раз и дали.

Говоря про ценности.

Слово «ценность» впервые активно стало звучать в информационном поле, наверное, в 2005-м.

Тогда прозвучал первый звоночек.

После горячей дружбы России и Германии Ангела Меркель пришла и начала все портить, все разрушать.

Мотивировала она это тем, что у России не те ценности.

Она повторяла это достаточно настойчиво.

Кто-то мне тогда сказал фразу, которая врезалась в мою память:

«Когда кто-то настойчиво разговаривает про ценности, значит, он хочет тебя обчистить».

Дальнейшие события это подтвердили.

Та же самая Ангела Меркель говорила, что российский газ очень дорогой, «Газпром»...

Тосунян Г.А.: Нет, это к Карену Хачиковичу не имеет отношения...

Оганов А.Р.: Разумеется.

Та же Меркель тогда очень сильно давила на «Газпром», мотивируя это тем, что это монополия и у него очень сильно завышены цены.

А как мы недавно узнали, русский газ всю дорогу был очень дешевым.

И это было одним из драйверов немецкой экономики.

Вот что значит, когда хотят обчистить.

И мы видим, к чему это привело.

Этот неразрешенный конфликт перерос в настоящее противостояние – открытое, военное.

Но теперь вопрос такой.

Прозвучало...

Тосунян Г.А.: То есть правильно ли я понимаю, что Меркель во всем виновата?

Оганов А.Р.: Нет, конечно нет.

Она одна из шестеренок, которые раскрутили этот маховик.

Вопрос у меня вот какой.

У одного из докладчиков прозвучала такая фраза.

На Западе сейчас – нетерпимость к чужим системам ценностей.

Либо ты придерживаешься нашей системы ценностей, либо ты ошибаешься.

Это, в частности, выражается в каком-то фанатичном насаждении гомосексуализма.

Я силюсь понять и первое, и второе.

И эту нетерпимость в обществе.

В обществе, которое всю жизнь позиционировало себя как оплот свободы.

А свобода и идеологическая нетерпимость взаимоисключаются.

И я совершенно не могу понять, как в обществе, где большинство людей все-таки гетеросексуальны, происходит насаждение гомосексуализма.

Это факт, что оно там происходит.

Но этот факт я понять не в состоянии.

Вы можете объяснить эти две вещи?

Тосунян Г.А.: Карен Хачикович, просьба в ходе заключительного слова ответить и на поступившие вопросы.

МОМДЖЯН К.Х.

д. филос. н., проф.

Коллеги, во-первых, я хочу поблагодарить за такое заинтересованное отношение к моему сообщению.

А во-вторых, тема ценностей совершенно необъятная.

И я никак не мог претендовать на то, чтобы раскрыть ее в полном объеме.

Я ставил перед собой очень скромные задачи.

Это были три задачи.

Первая – дать определение ценностей.

Я полагаю, что ценности – это не вещь и не отношение.

Это мотивационный выбор в пользу конечных целей и потребностей.

Потребностей, которые вы считаете для себя приоритетными.

Кто-то из коллег говорил о том, что не потребности определяют ценности.

А наоборот, ценности определяют потребности.

Я с этим не согласен категорически.

Да, это точка зрения Маркса.

Означает ли это, что это является теоретической ошибкой?

Это не хорошее отношение.

Это та самая нетерпимость.

Нетерпимость, которую мы критикуем в случае с западной культурой.

Но, к сожалению, в нашей культуре тоже практикуем.

Приведу одну цитату.

Чарльз Райт Миллс сказал: «Если кто-то слышит в моих работах отзвуки марксовых идей, это означает только одно – что я получил хорошее образование».

Вот и всё.

Итак, первая идея.

Что такое ценность?

Это мотивационный выбор.

Вторая идея.

Поскольку потребности у людей совершенно одинаковые, то и мотивационные предпочтения у них одинаковые.

Но вот никто из оппонентов не сказал:

«Извините, Карен Хачикович, Вы ошибаетесь.

Я лично знаю людей, которые не ценят жизнь.

Я лично знаю людей, которые не ценят здоровье.

Я лично знаю людей, которые не ценят свободу, красоту, истину».

Этого нет и не может быть.

Ценности совершенно одинаковы у всех.

В том числе они одинаковы у мужчин и женщин.

Различны ценностные приоритеты.

Вот из этого нужно исходить.

Это то, что нас отличает друг от друга.

Относительно верифицируемости этого ценностного выбора.

Есть два способа ориентации человека в мире.

Есть так называемая рефлексивная ориентация.

Вы пытаетесь понять собственную логику мира, в котором вы живете.

Но этот мир устроен так, что тела при нагревании расширяются.

Это никогда не изменится.

Существует и иная ориентация – валюативная.

Она связана не с миром сущего, а с миром должного.

Здесь истин не бывает.

Для того, чтобы убедиться в этом, просто задайте себе вопрос.

Возможно ли научное решение проблемы о запрете или разрешении абортов?

Кто-то из ученых может сказать: «Сейчас я докажу, что нужно поступать именно таким образом»?

Это совершенно и абсолютно невозможно.

Ценностный выбор – неverifiedируемый.

Это надо отчетливым образом понимать.

Это главное, что я хотел сказать.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

У Гагика Тиграновича Закаряна был вопрос.

Отличаются ли мужские ценности от женских?

Момджян К.Х.: Нет, ценности одинаковые и у мужчин, и у женщин.

Ценностные ориентиры – очень разные.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Виктор Сергеевич Левицкий, Вам заключительное слово.

ЛЕВИЦКИЙ В.С.

д. филос. н.

Левицкий В.С.: Я не буду оригинален и начну с благодарности организаторам за такое прекрасное обсуждение.

Я себя почувствовал в идеальном коммуникативном дискурсе.

Немецкий философ и социолог Юрген Хабермас называл идеальной коммуникацией такую, в которой могут быть засчитаны лишь рациональные аргументы.

А не аргументы в виде власти, денег, насилия и так далее.

Тосунян Г.А.: И у нас очень позитивный эмоциональный фон.

Левицкий В.С.: Запишем это в статус эмоционального интеллекта.

Я считаю, что это очень богоугодное дело.

Спасибо за возможность выступить.

В своем докладе я хотел показать ключевую идею.

Сегодня, с одной стороны, мы обсуждаем ценности.

С другой – экономические принципы, физические законы, даже до молекул дошли.

Все это происходит, потому что мы с вами в одном горизонте.

В докладе я назвал это «онтологическим горизонтом».

Если бы здесь сидел представитель принципиально другой культуры, он бы половину нашего языка не понял.

Давно известна мысль о том, что современный историко-размерный язык непереводим на язык мифа.

Этого сделать невозможно.

Мы не можем объяснить в тех категориях собственную картину мира.

Наш ценностный, аксиологический горизонт формируется именно общностью нашей онтологии.

Ее в свою очередь формирует культура.

По поводу традиционных ценностей.

То, что мы сегодня называем традиционными ценностями, это не ценности, которые были свойственны Ивану Грозному, Владимиру Красну Солнышку...

Если бы их посадить за этот стол и открыть 17 ценностей, 8 из них они бы не поняли.

Что такое гуманизм для Ивана Грозного?

Это конструкция, выдуманная в ренессансной Италии.

Что такое права и свободы человека?

О таком понятии никто не знал до «Декларации независимости» и до «Декларации прав и свобод человека и гражданина».

А хоть каким-то фактором в международной политике эти права стали только после «Всеобщей декларации прав человека».

Традиция была выдумана в XIX веке как оппозиция модерности.

Это очень хорошо показал Эрик Хобсбаум.

Нам кажется, что традиция существовала всегда.

Потом якобы появилась модерность.

На самом деле было не так.

И политический дискурс здесь является очень хорошим свидетелем.

Все либеральные партии появились раньше, чем консервативные.

Кажется, что сначала были консервативные партии...

А потом появились либеральные.

Нет.

Ситуация выглядит противоположным образом.

Была жизнь – определенная форма жизни, как это называет Эрик Хобсбаум, – на ее фоне появилась модер-ность.

И как ее проводник – либеральные партии.

И только спустя 20–30 лет появилась республиканская партия США и консервативная партия Великобритании.

Как защита от модернистов и либералов.

Традиция появляется тогда, когда ей что-то угрожает.

Если хотите, сформулирую иначе: заповедники появляются тогда, когда вы прекращаете жить в природе.

Это – о традиционных ценностях.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

проф. МОМДЖЯН К.Х. – проф. РАН ОГАНОВ А.Р.

Момджян К.Х.: Было два вопроса относительно существования ценностей коллективных или индивидуальных.

Я – убежденный сторонник методологического индивидуализма.

Полагаю, что все субъектные свойства, начиная с потребности, интереса, цели, ценности, – это характеристика индивида, и только индивида.

Но я совсем не отрицаю существования общезначимых ценностей.

Ценностей, которые задаются матрицами культуры.

Конечно же, человек в процессе социализации усваивает эти заданные стереотипы.

Но это не означает, что они сами по себе субъектные.

Оганов А.Р.: Два коротких вопроса.

Первый.

Как, на Ваш взгляд, так получилось, что западное общество сейчас оказалось нетерпимым?

Оно ведь всегда позиционировало себя как оплот свободы.

А нетерпимость и свобода – взаимоисключающие понятия.

И второй.

Как так получилось, что западное общество, состоящее преимущественно из гетеросексуальных людей, зафиксировано на гомосексуализме?

Непонятно, откуда вообще эта тематика взялась.

Момджян К.Х.: У меня очень короткий ответ.

Эти люди ограничивают свободу, потому что чрезвычайно к ней привержены.

Это все придумала либеральная университетская профессура.

Она исходит из того, что стопроцентным приоритетом является справедливость.

Раньше человека с черным цветом кожи дискриминировали.

Теперь для него создаются все преференции.

Их еще называют исправляющими дискриминацию.

Раз раньше гомосексуалисты подвергались гонению, значит, высшая справедливость требует, чтобы сейчас им дали все приоритеты.

Чтобы они чувствовали себя в этом обществе свободно.

Это – неумная абсолютизация универсальных ценностей.

Оганов А.Р.: Простите, что вклиниваюсь.

Тут мне послышались нотки фашизма.

Долгое время немцы притеснялись злыми евреями на территории их родины, немецкого государства.

Гитлер говорил, что евреи притесняют немцев, поэтому надо немцам дать больше преимуществ, а от евреев избавиться.

Момджян К.Х.: Я не стал бы называть это фашизмом.

Но это, несомненно, насильственная практика.

Тосунян Г.А.: Слово нашему уважаемому сопредседателю совета академику Гусейнову.

Абдусалам Абдулкеримович, пожалуйста.

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

Уважаемые коллеги!

Прежде всего – моя благодарность замечательным докладчикам.

Мы получили представление о разных подходах.

Мы получили более полную картину того, как сегодня философы смотрят на этот вопрос.

И в ходе обсуждения было много дополнений, сформулированных идей.

Позиции, которые были зафиксированы в докладах и потом в обсуждениях, отражают реальное положение вещей.

Они дают представление о ценностной картине нашего современного общества.

В этой связи у меня возник вопрос.

Два авторитетных профессора представили нам свое понимание ценностей.

Находится ли этот предмет в таком состоянии, чтобы он мог стать предметом управленческого решения?

Чтобы он приобрел директивную значимость?

На самом деле это серьезный вопрос.

Правильно интерпретировать и правильно развернуть реализацию стратегии.

Стратегии, касающейся духовно-нравственных ценностей, четко обозначенных, о которых во вступительной речи говорил Гарегин Ашотович.

Это первая мысль.

И вторая.

Карен Хачикович представил цельно, последовательно определенную точку зрения.

Она научно ориентирована, она хорошо фундирована, обоснована социологически и философски.

И все-таки есть в философии другая традиция в понимании ценностей.

Карен Хачикович правильно говорит, что ценности – это некая обобщенная характеристика.

Она касается нашей сознательной, разумной жизни.

В своих основах она дает разумно организованной жизни определенную цельность.

Она синтезирует, дает какое-то целевое единство.

И связывает это с базовыми потребностями.

Потребностями, которые свойственны всем живым индивидам, всем людям.

Когда Карен Хачикович говорит о сознательной жизни, об организации разумного пространства человеческой жизни, он прямо связывает это именно с индивидуальной жизнью.

Он исходит из совершенно несомненной истины.

Разум – это свойство живого индивида.

И всегда мыслит конкретный живой человек, отдельный вот этот индивид.

Это принципиально важная вещь.

И мысли вообще без субъекта не существуют.

Скажу относительно субъекта.

Из твердой установки, что это замкнуто на индивидуальную жизнь, следует связка «ценности – потребности».

О других традициях.

У Канта есть такое рассуждение.

Для чего природа создала человека разумным?

Для чего она дала ему разум?

Для чего так устроено, чтобы он мог существовать в форме сознательной жизни?

И, отвечая, Кант задает вопрос.

А не для того ли, чтобы таким косвенным образом – через разум, через сознание – удовлетворять его потребности?

Потребности, которые другие формы жизни удовлетворяют через инстинкты.

Природа могла бы все потребности человека, которые касаются пищи, здоровья, секса и всего прочего, касающегося природного существования, удовлетворить в человеческой форме точно так же, как это происходит в животном мире.

Через инстинкты, в форме инстинктов.

Правда, для этого потребовалось бы больше времени.

Но ведь природа никуда не спешит.

И Кант приводит известные примеры.

Примеры чудес, которые вытворяет природа для того, чтобы через инстинкты обеспечить выживаемость живых существ.

Должно быть что-то такое, что не может быть реализовано через механизм инстинкта.

Это «что-то» и есть оправдание и основание для появления в эволюционном ряду такой способности, как разум.

В поисках ответа на этот вопрос философ развивает свою известную этическую теорию.

Добрая воля и есть то единственное, что можно реализовать только через разум.

Реализовать через механизм долга.

Не в рамках логики, в которой рассуждает Карен Хачикович, не в рамках движения от потребности к ценностям.

А в рамках другой, противоположной логики: от ценности – к потребностям.

Должна быть какая-то такая ценность, которая никаким иным образом, никакими потребностями реализована быть не может.

Кант находит ее в идее доброй воли, в идее абсолютного долга, всеобщности, необходимости.

Все то, что он связывает со своим нравственным законом.

Эта линия получила очень мощное развитие.

И она совпадает с той либеральной практикой, которая имеет большую традицию.

Даже в рамках той логики, Карен Хачикович, в которой Вы рассуждаете, тоже запрятана эта линия мысли.

Вы правильно говорите, что для всех здоровье ценно, и семья ценна, и многие другие вещи.

Но речь может идти только о приоритете.

Однако если идти по этой логике приоритетности, то в этом ряду должен быть какой-то абсолютный приоритет.

Должна быть какая-то последняя точка для того, чтобы этот ряд даже чисто логически мог состояться.

А где эта точка?

Где та ценность, которая является организующей основой всего ценностного ряда, всей этой лестницы возможных предпочтений?

Мне кажется, принятая Вами линия рассуждений предполагает наличие такой точки.

И Вы, на самом деле, к этому и склоняетесь.

Вы много раз говорили, что человек стремится к «лучшему» для себя.

Можно было бы определение «лучшего» для себя делегировать каждому мыслящему индивиду.

И тогда каждый определял бы для себя свои ценностные приоритеты.

И находил бы последнюю точку самого ценного для себя.

То есть то, что является ценным, и то, что не имеет цены.

Вы говорили, что удовольствие – это нечто ценное. Это то, что люди называют счастьем.

Они всегда по-разному называли эту последнюю точку.

И это тоже один из сильных аспектов всей Вашей концепции.

Она как бы делегирует решение вопросов о ценностных приоритетах самому действующему индивиду.

Но и в этом случае не снимается вопрос о последней точке.

О последней цели как таковой, которая сама никак не может быть сведена до уровня меньшего зла.

И в ряду сравнительных ценностных приоритетов также должна быть последняя (абсолютная) точка.

И последний вопрос, на который надо отвечать, – о субъектах.

Конечно, сознание всегда является конкретным.

Оно всегда конкретно.

И разум не существует иначе как в индивидуальной форме.

Но тем не менее существует общественное сознание.

Существует объективированный разум.

Существуют какие-то общие ценностные приоритеты в рамках культуры, нации, в рамках государства, в рамках каких-то более маленьких групп, корпораций и так далее.

То есть существуют именно коллективные субъекты.

Возникает вопрос: как соединить одно с другим?

И как быть с нашим исходным тезисом, что ценностный выбор – это всегда выбор конкретного индивида?

Какие ценностные выборы отдельных индивидов обобщаются до уровня коллективных и выдаются за интересы всего общества?

Проблема приобретает новое измерение.

Как показала наша дискуссия и как показывает реальное ценностное противостояние в современном мире, именно этот пункт во всей ценностной проблематике является самым трудным.

Каким образом индивидуальные интересы и предпочтения обобщаются и переходят в ценностные позиции?

Позиции, которые приобретают общественный, общезначимый смысл.

Позиции, которые выступают как ценности каких-то объединений, классов, групп и так далее.

На этом закончу.

Мы получили сегодня очень интересный, интеллектуально насыщенный разговор.

Спасибо.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович!

Высочайший уровень и профессионализма, и компетенции докладчиков ни у кого не вызывает сомнений.

И за это огромное спасибо.

Спасибо и всем выступавшим.

Все внесли свою существенную лепту в то, чтобы сегодняшнее заседание было таким многогранным и интересным.

Хотел бы прокомментировать некоторые тезисы и некоторые свои сомнения.

Резануло слух, что новые потребности не появились за 40 тысяч лет.

Эволюция в системе ценностей и потребностей, мне кажется, все же имела место быть.

Вопрос – в какой именно части?

Как минимум в процессе эволюции возникла потребность в творчестве.

А формы стремления к самореализации претерпели качественные изменения.

Но и во многом другом можно найти плоды эволюции ценностей...

Я сейчас не стану подробно раскрывать эту мысль, но полагаю, что представления о морали и нравственности существенно менялись даже у нескольких поколений последних двух-трех столетий, не говоря уже о тысячелетии!

Следующее, что вызывает у меня сомнение.

Это утверждение, что нет потребности в продолжении рода.

Категорически с этим не согласен.

Мне кажется, такая потребность присуща на глубинном, на подсознательном уровне.

Это потребность фактически в сохранении и продолжении себя в материальном мире.

Кстати, убежден, что в нематериальном мире жизнь бесконечна.

Что касается материального мира. Не случайно наш уважаемый профессор Экмалян Ашот Мамиконович не устает повторять: «Во внуках – мое бессмертие».

И это не просто красивые слова.

Момджян К.Х.: Гарегин Ашотович, зачем тогда стимулировать рождаемость?

Тосунян Г.А.: Есть одна конспирологическая теория.

Правительство стимулирует рождаемость, потому что нужны рабочие руки.

Но дело в том, что я отталкиваюсь не от циничных потребностей правительства.

Я говорю о том, что присуще собственно человеку.

Момджян К.Х.: А зачем женщине платить деньги, чтобы она рожала?

Если у нее есть собственная потребность в этом?

Тосунян Г.А.: Не у каждой женщины есть эта потребность и не у каждого мужчины.

Вы считаете, что женщинам не надо платить?

Разве дополнительные стимулы перечеркивают природную потребность?

Надо всех посадить на голодный паек, по-Вашему?
Кстати, чем беднее нации, тем выше рождаемость!
Так что это совсем другая тема.

На одном из наших заседаний я позволил себе вступить в полемику с Абдусаламом Абдулкеримовичем.

Мы тогда так и не нашли общего подхода.

Существует ли коллективный разум?

Сейчас Абдусалам Абдулкеримович сказал, что коллективное сознание есть.

Но если есть коллективное сознание, то как можно отрицать коллективный разум?

Надо, видимо, договориться о понятийном аппарате.

Разум – это свойство только отдельного индивидуума?

Но если отрицать коллективное сознание, то как быть, например, с поведением толпы?

Да, поведение толпы отличается от поведения отдельного индивидуума, но оно осознанное!

Поэтому утверждение, что без субъекта мысли не существует, вызывает у меня сомнения.

Культура общества – это тоже, по-моему, определенный коллективный разум.

Может быть, я не прав.

Может быть, я просто пока не дошел до понимания столь высоких материй.

Мозаичная карта ценностей формирует культуру разных народов, разных коллективов.

В этом надо искать причины и истоки этих противоречий.

В этом надо искать и механизмы, сглаживающие эти противоречия.

Мозаика все равно будет разная.

Если мы задумаемся, то обнаружим, что у нас с нашими близкими:

- много общих ценностей;
- много общих представлений о жизни;
- большой совместный опыт прошлых лет.

Но всегда есть некоторые расхождения между нашим видением ценностей и видением наших близких.

Они заложены исключительно в этой мозаичности, а не в фундаментально разных представлениях о добре и зле.

Просто у нас разные пропорции, разные приоритеты. Но базовых, фундаментальных отличий нет.

Это как с лекарственным препаратом.

Чуть-чуть измени пропорции – и лечебные свойства приведут к разрушающим последствиям.

Когда-то после работы в области ядерной физики я увлекся гуманитарными науками.

Поначалу я был уверен, что физика и математика – это высшие науки.

В каком-то смысле так оно и есть!

Но позже пришло понимание, что в гуманитарной сфере сталкиваешься с еще более сложными проблемами

в силу того, что они сложнее поддаются формализации, чем естественные науки.

Гуманитарные науки еще недостаточно систематизированы и структурированы.

Очень хочется видеть гуманитарные тезисы и идеи в формульном виде, с соответствующими доказательствами.

В этом случае легче полемизировать, спорить, доказывать, отрицать или соглашаться.

На каком-то уровне развития гуманитарных наук и познания социально-экономических проблем общества мы перейдем к системному пониманию категорий ценностей.

В том числе и категории демократии, и категории общественных интересов в социологии и психологии.

И может быть, дойдем до какой-то большей формализации.

Дойдем до понимания того, что в этой иерархии приоритетно, а что – вторично.

По крайней мере, минимизируется объем противоречий и противопоставлений.

На этом мы завершаем наше заседание.

Уверен, что мы еще вернемся к этой теме.

Благодарю всех участников, и до следующих наших встреч!

Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН и НИИ ДДиП

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
3. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
4. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
5. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
6. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.
7. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.

8. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
9. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
10. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 120 с.
11. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
12. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
13. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 163 с.
14. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 128 с.

15. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
16. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
17. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
18. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 185 с.
19. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.
20. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.
21. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 179 с.

22. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 150 с.
23. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 151 с.
24. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.
25. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 182 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru>

**Проблема общечеловеческих
ценностей.
Причины ценностных противостояний
в современном мире**

**Материалы заседания
НКС ООН РАН и НИИ ДДиП
17 февраля 2024 года**

Выпуск № 37

Электронную версию Сборника и презентацию
докладчика можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru>

Подписано в печать 05.09.2024
Формат 60x90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 31

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. II

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института - многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.